

ИГРА ПРЕСТОЛОВ

Часть I

+18

Художник
Тэд Нэсмит

Джордж
МАРТИН

Ted Nasmith
2013

Джордж Р. Р. Мартин
Игра престолов. Часть I
Серия «Песнь Льда и Огня
(Иллюстрированная)», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11829242
Игра престолов. Часть I: [роман] / Джордж Р.Р. Мартин: АСТ;
Москва; 2015
ISBN 978-5-17-090281-1

Аннотация

Лорды и герои, воины и чернокнижники совершают великие деяния и предательства, плетут политические интриги, борются за власть, любят и погибают – все ради того, чтобы исполнилось древнее пророчество о мире Семи Королевств – мире суровых земель вечного холода и цветущих земель вечного лета. Первая часть саги Джорджа Мартина с уникальными иллюстрациями канадского художника Тэда Нэсмита.

Содержание

Пролог	8
Бран	26
Кэтлин	41
Дэйнерис	53
Эддард	75
Джон	93
Кэтлин	110
Арья	128
Бран	143
Тирион	160
Джон	170
Дэйнерис	181
Конец ознакомительного фрагмента.	194

Джордж Мартин

Игра престолов. Часть I

George R. R. Martin

A Game of Thrones. Volume One

Copyright © George R. R. Martin, 1996

All artwork Copyright © Ted Nasmith, 2015. All Rights

Reserved

© Ю. Р. Соколов, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Посвящается Мелинде

Юг

Карту составил
Дэвид
Синклер

Пролог

– Надо бы поворачивать, – встревожился Гаред, как только лес вокруг них начал темнеть. – Одичалые мертвы.

– Неужели ты боишься покойников? – спросил сир Уэймар Ройс с легким намеком на улыбку.

Гаред не попался на крючок. За свои пятьдесят лет он успел навидаться, как приходят и уходят эти лорденыши.

– Мертвец есть мертвец, – отвечал он. – Нам нет до дела до покойников.

– А они действительно мертвы? – спросил Ройс. – Какие доказательства есть у нас?

– Уилл видел их, – отвечал Гаред. – И если он говорит, что они мертвы, мне других доказательств не нужно.

Уилл знал, что его рано или поздно вовлекут в разговор, и хотел, чтобы это случилось по возможности позже.

– Мать моя говорила мне, что покойник не запоеет, – сказал он.

– То же самое говорила моя няня, – отозвался Ройс. – Уилл, никогда не верь тому, что слышишь возле женской титьки. Есть вещи, которые можно узнать даже от мертвых. – Голос его слишком громко отдавался в сумрачном лесу.

– Нам предстоит долгая дорога, – напомнил Гаред. – Восемь дней, а быть может, и девять. И ночь уже близка.

Сир Уэймар Ройс поглядел на небо без всякого интереса.

– Ночь каждый день приходит примерно в это же время. Неужели тьма лишает тебя мужества, Гаред?

Уилл увидел, как напрягся рот Гаред, как сверкнул едва сдерживаемый гнев в глазах под толстым черным капюшоном плаща.

Сорок лет – юность и зрелость – провел Гаред в Ночном Дозоре, и он не привык, чтобы над ним насмеялись. Однако здесь крылось нечто большее. Под раненой гордостью старшего Уилл мог разглядеть кое-что еще. Отчетливо ощущавшееся нервное напряжение, граничащее со страхом.

Уилл разделял это нелегкое чувство. На Стене он провел четыре года. И когда в первый раз отправился за нее, то сразу вспомнил все старые рассказы и перепугался до смерти. Потом, вспоминая первую вылазку, он смеялся. Сотня походов сделала его ветераном, и бесконечная мрачная чаща, которую южане зовут Проклятым лесом, более не казалась ему ужасной.

Но не сегодня. Сегодняшний вечер сулил иное. В этой тьме таилось нечто, заставлявшее подниматься волосы на его затылке. Девять дней они ехали на север, потом на северо-запад и снова на север, все дальше от Стены, преследуя банду дикарей-разбойников. Каждый день был хуже предшествовавшего ему. И нынешний стал наихудшим. С севера задувал холодный ветер, деревья шелестели, словно живые. Весь день Уиллу казалось, что за ним следит нечто холодное и непреклонное, совершенно не испытывающее к нему сим-

патии. Гаред ощущал то же самое. Уилл хотел одного – броситься во всю конскую прыть под защиту Стены, но подобными чувствами не делятся со своим командиром.

В особенности с таким командиром.

Сир Уэймар Ройс был самым молодым отпрыском древнего рода, одним из слишком многочисленных наследников. Симпатичный юноша лет восемнадцати, сероглазый, изящный и стройный, как клинок. Восседая на спине своего рослого вороного боевого коня, рыцарь возвышался над Уиллом и Гаредом на их невысоких дорожных лошадках. На нем были черные кожаные сапоги, черные шерстяные штаны, черные перчатки из кротовых шкурок и сверкающая тонкая черная кольчужная рубаха, надетая поверх слоев черной шерсти и вареной кожи. Сир Уэймар присягнул на верность братству Ночного Дозора менее полугода назад, и никто не мог сказать, что он не был подготовлен для такого занятия. Во всяком случае, если говорить о его гардеробе.

Довершал одеяние плащ. Соболиный, толстый, черный и соблазнительно мягкий.

– Небось, сам всех зверьков убил, вот так вот, – показывал Гаред в казарме за вином. – Свернул им головы наши могучий воитель.

Все дружно хохотали.

«Трудно повиноваться человеку, которого осмеиваешь за выпивкой», – думал Уилл, ежившийся на спине своей лошаденки. Гаред, должно быть, испытывал те же чувства.

– Мормонт приказал нам выследить их, и мы это сделали, – проговорил Гаред. – Одичалые мертвы. Более они не причинят хлопот. А нам предстоит тяжелая дорога. Мне не нравится погода. Если пойдет снег, на возвращение домой уйдет две недели, и это, считайте, нам еще повезет. Вы когда-нибудь видели ледяную бурю, милорд?

Молодой лорд как будто и не слышал его. Ройс изучал сгущающийся сумрак в этакой полурассеянности-полускуке. Уилл успел достаточно долго проехать с рыцарем и знал – лучше не докучать ему в подобном настроении.

– Опиши мне еще раз то, что ты видел, Уилл. Все подробности. Ничего не забудь.

Прежде чем поступить в Ночной Дозор, Уилл был охотником, точнее говоря, браконьером. Вольные всадники Маллистеров поймали его на месте преступления в собственных лесах Маллистеров, над освежеванной тушей одного из оленей, принадлежавших Маллистерам; так что ему осталось или надеть черное, или расстаться с рукой. Никто не умел двигаться по лесу бесшумнее Уилла, и черные братья весьма скоро обнаружили этот дар.

– Их лагерь располагается в двух милях отсюда, за тем гребнем, возле ручья, – проговорил Уилл. – Я подобрался так близко, как только осмелился. Одичалых восьмеро, есть и мужчины, и женщины. Я не видел там никаких детей. Они соорудили навес возле скалы. Теперь все засыпан снег, но я не заметил огня, хотя кострище было видно как на ла-

дони. Никто не двигался, а ведь я долго следил за ними. Живому человеку не под силу пролежать так, не шевелясь.

– А ты видел кровь?

– Нет, – признал Уилл.

– А оружие?

– Несколько мечей и луков. У одного был топор, тяжелый такой, с двумя лезвиями... грубый кусок железа. Он лежал на земле возле этого человека, прямо у руки.

– А ты заметил положение тел?

Уилл пожал плечами:

– Один сидел возле скалы. Остальные были на земле, попадали, что ли.

– Или спали, – предположил Ройс.

– Упали, – настаивал Уилл. – Женщина влезла на железное дерево и пряталась среди ветвей. Дозорная. – Он тонко улыбнулся. – Я старался, чтобы она не увидела меня. Но когда подобрался ближе, то заметил, что и она не шевелится. – И против желания он поежился.

– Тебе холодно? – спросил Ройс.

– Слегка, – пробормотал Уилл. – Ветер, м'лорд.

Молодой рыцарь повернулся к седому воину. Побитые морозом листья с шелестом пролетели мимо, и конь Ройса беспокойно шевельнулся.

– Итак, какова, по-твоему, была причина смерти этих людей, Гаред? – непринужденно спросил сир Уэймар, поправляя длинный соболиный плащ.

– Холод, – отвечал Гаред с железной уверенностью. – Прошлой зимой я видел, как замерзают люди, видел и позапрошлой, когда был еще наполовину мальчишкой. Все говорят о снегах глубиной в сорок футов, о том, как ледяной ветер, воя, налетает с севера, но главным врагом является холод. Он добирается до тебя бесшумнее, чем Уилл, и сперва ты только поеживаешься и стучишь зубами, а потом топаешь ногами и мечтаешь о подогретом вине с пряностями и чудесном жарком очаге. Мороз жжет. Ничто не обжигает так, как холод. Но лишь поначалу. А потом он проникает внутрь тела, наполняет тебя, пока у человека не остается сил сопротивляться. Легче просто сесть и уснуть. Говорят, что, замерзая, перед концом не чувствуешь никакой боли. Просто слабеешь и тихонько засыпаешь, все словно блекнет, а потом как будто проваливаешься в море теплого молока, в мир и покой.

– Экое красноречие, Гаред, – усмехнулся сир Уэймар. – Никогда не подозревал в тебе подобного дара.

– Холод проникал и в меня, молодой лорд. – Гаред откинул назад капюшон, давая сиру Уэймару возможность рассмотреть обрубки, оставшиеся на месте ушей. – Два уха, три пальца на ногах и мизинец на левой руке. Я еще легко отделался. Моего брата тогда нашли замерзшим и улыбающимся.

Сир Уэймар пожал плечами:

– Надо было одеться потеплее, Гаред.

Тот гневно глянул на юного лорда, шрамы на месте ушей, там, где мэйстер Эймон срезал обмороженный хрящ, налились кровью от гнева.

— Посмотрим, как согреет тебя одежда, когда придет зима. — Он натянул на голову капюшон и сгорбился на своей лошади, угрюмый и молчаливый.

— Если Гаред говорит, что причиной был холод... — начал Уилл.

— А ты был в карауле на прошлой неделе, Уилл?

— Да, м'лорд. — Ни одна неделя не проходила без того, чтобы ему не выпадало с дюжину этих паскудных караулов. Чего, собственно, Ройс хочет от него?

— И какой была Стена?

— Мокрой, — сказал Уилл хмурясь. Теперь он понял, чего добивается молодой лорд. — Они не могли замерзнуть. Ведь Стена подтаяла. Настоящего холода не было.

Ройс кивнул:

— Смышленный парень. На этой неделе несколько раз подмораживало, выпадал снег, но холодов, достаточно свирепых, чтобы убить восьмерых взрослых людей, не было. Напоминаю: одетых в меха и кожу, возле укрытия и костра. — Улыбка рыцаря сделалась самоуверенной. — Уилл, веди нас туда, я сам хочу увидеть этих мертвецов.

Ну что ж, делать нечего. Приказ отдан, надо повиноваться.

Уилл направился первым, его косматая невысокая лошадка внимательно выбирала путь через подлесок. Позапро-

шлой ночью выпал легкий снежок, и камни, корни и ямки прятались под его поверхностью, поджидая неосторожного и беспечного. Сир Уэймар Ройс следовал за ним, рослый вороной жеребец нетерпеливо фыркал. Боевой конь не годился для разведки, но попробуй это сказать лорденышу. Гаред замыкал линию. Старый воин что-то бурчал под нос.

Сумерки сгущались. Безоблачное небо сперва приняло глубокий пурпурный оттенок, потом цвет старого синяка и, наконец, почернело. Начали выступать звезды. Над деревьями объявился и полумесяц. Уилл обрадовался свету.

– Можно бы и прибавить шагу, – заметил Ройс, когда луна поднялась повыше.

– Не с такой лошадыю, – отвечал Уилл. Страх заставил его забыть про вежливость. – Быть может, милорд хочет возглавить нас?

Сир Уэймар Ройс не потрудился ответить.

Где-то вдалеке в лесу завыл волк. Уилл завел свою лошадь под ствол, древний и корявый, и спешил.

– Почему ты остановился? – спросил сир Уэймар.

– Остаток пути лучше пройти пешком, м'лорд. Место как раз за гребнем.

Вглядываясь вдаль, Ройс помедлил, на мгновение остановившись в явной задумчивости. Холодный ветер прошеле-стел в деревьях, толстый меховой плащ рыцаря словно бы сам собой шевельнулся сзади.

– Здесь что-то неладно, – пробормотал Гаред.

Молодой рыцарь посмотрел на него с презрительной улыбкой:

– В самом деле?

– Неужели вы не ощущаете сами? – спросил Гаред. – Прислушайтесь к тьме.

Уилл чувствовал это. За все четыре года, проведенных в Ночном Дозоре, ему никогда не приводилось так пугаться. Что это такое?

– Дует ветер. Деревья шелестят. Волк воет. Какой звук лишает тебя мужества, Гаред? – Не дождавшись ответа, Ройс изящно выскользнул из седла. Он надежно привязал скакуна к низкому суку, чуть в стороне от остальных, и извлек из ножен длинный меч. На рукоятке блеснули самоцветы, лунный свет пробежал по сверкающей стали. Великолепное оружие, выкованное в замке, и не столь уж давно, если как следует приглядеться. Только вот едва ли им замахивались в гнев, решил Уилл.

– Здесь всюду деревья, – предостерег Уилл. – Меч помещает вам, м’лорд. Лучше возьмите нож.

– Если мне потребуются наставления, я попрошу их, – сказал молодой лорд. – Гаред, оставайся здесь. Охраняй коней.

Гаред спешил.

– Нам нужен огонь. Я разведу костер.

– Какой же ты дурак, старик! Если по этому лесу бродят враги, значит, в огне мы нуждаемся в самую последнюю оче-

редь.

– Бывает, что врагов огонь удерживает в стороне, – проговорил Гаред. – Его боятся медведи и лютоволки... да и другие...

Рот сира Уэймара сложился в прямую линию:

– Никакого огня!

Капюшон Гаред прикрывал лицо, но Уилл заметил в глазах старика жесткий блеск. На миг он испугался, что Гаред достанет свой меч... короткая уродливая штукавина, рукоятка изъедена потом, лезвие зазубрилось от долгого употребления, но Уилл не дал бы железной монеты за жизнь лорденыша, если бы Гаред извлек свой клинок из ножен.

Наконец Гаред поглядел вниз.

– Никакого огня, – пробормотал он едва слышным голосом.

Ройс принял это за подтверждение и отвернулся.

– Ступай, – сказал он Уиллу.

Уилл направился в чащу, потом вверх по склону к высокому гребню, где он обнаружил удобное место под страж-деревом. Тонкая корочка снега едва прикрывала грязь и влагу, ноги скользили – мешали камни и скрытые корни, – однако, поднимаясь, Уилл не произвел ни звука. За его спиной негромко позвякивал кольчугой лорденыш, шелестели листья, раздавались негромкие ругательства, когда загибающиеся ветви цеплялись за длинный меч и за великолепный собольи плащ.

Огромное страж-дерево находилось прямо на гребне; как помнил Уилл, нижние ветви его поднимались от земли почти на фут. Уилл скользнул под дерево, лег на живот в снег и грязь, поглядел на пустую поляну внизу, и сердце его провалилось в пятки. Мгновение он не смелдохнуть. Луна освещала поляну, кострище, занесенный снегом навес, огромную скалу, маленький узкий полузамерзший ручеек. Все это осталось неизменным – как и несколько часов назад.

Но людей не было, все тела исчезли.

– Ах, боги! – услышал он позади себя голос. Меч рубанул по ветке, и сир Уэймар Ройс поднялся на гребень. Он остановился возле страж-дерева с длинным мечом в руках, ветер раздувал плащ, все вокруг могли видеть благородный силуэт на фоне звездного неба.

– На землю! – настоятельно шепнул Уилл. – Здесь что-то не так.

Ройс не шевельнулся. Он поглядел на пустую прогалину и расхохотался:

– Выходит, твои мертвецы куда-то перебрались.

Голос Уилла предал его. Он искал слова и не находил их. Немыслимо! Глаза его метались взад и вперед по покинутому стану и остановились на топоре. Огромный боевой топор с двумя лезвиями все еще лежал на прежнем месте. Ценное оружие...

– На ноги, Уилл, – приказал сир Уэймар. – Здесь никого нет. Я не хочу, чтобы ты прятался под кустом.

Уилл нерешительно поднял голову.

Сир Уэймар глядел на него с открытым неодобрением.

– Я не намереваюсь вернуться в Черный замок с признанием о неудаче моей первой вылазки. Мы *найдем* этих людей. – Он огляделся. – Лезь на дерево. И быстро. Ищи огонь.

Уилл молча отвернулся, спорить было бесполезно. Ветер менялся. Теперь порывы продували насквозь. Уилл подошел к дереву, высоко поднимавшему свои серо-зеленые ветви, и полез вверх. Скоро руки его запачкались смолой, и он почти потерялся среди иголок. Страх наполнил нутро Уилла комом непереваренной пищи. Прочитав молитву безымянным богам леса, он извлек свой кинжал из ножен и зажал в зубах, чтобы можно было держаться за дерево обеими руками. Вкус холодного железа во рту почему-то всегда успокаивал его.

Молодой лорд внизу вдруг воскликнул:

– Кто идет?

Уилл слышал неуверенность в его голосе и замер, прислушиваясь и наблюдая.

Лес дал ответ: шелестели листья, в ледяном ложе бежал ручей, вдалеке кричала снежная сова.

Иные не издают звуков.

Уилл заметил движение уголком глаза. Бледные силуэты появились в лесу. Повернув голову, он увидел белую тень, скользнувшую во тьме. Тень исчезла. Ветки легко шевелились под ветром, скребли друг друга деревянными пальца-

ми. Уилл открыл рот, чтобы выкрикнуть предупреждение, но слова как будто замерзли в его горле. Возможно, он ошибся, и это всего лишь птица или отражение, брошенное на снег прихотью лунного света. В конце концов, что он видел?

– Уилл, где ты? – поднял голову вверх сир Уэймар. – Ты заметил что-нибудь? – Зажав в руке меч, рыцарь медленно, с внезапным напряжением повернулся на месте. Значит, и он ощутил их. Ощутил, но не увидел. – Отвечай мне! Почему так холодно?

Было действительно холодно. Ежась, Уилл плотнее прижался к стволу, припав лицом к грубой коре. Сладко пахло смолой, прилипшей к щеке.

Из тьмы леса родилась тень и остановилась перед Ройсом. Высокая, тощая и твердая, как старые кости, и вместе с тем бледная, как молоко. Доспехи ее словно меняли цвет при каждом движении. Они то становились белыми, как свежесвыпавший снег, то покрывались угольной тенью, то отличали сероватой зеленью деревьев. С каждым шагом новый узор пробегал по броне, словно лунный свет по воде.

Уилл услышал, как дыхание с долгим шипением вырвалось из груди сира Уэймара Ройса.

– Стой! – выкрикнул молодой лорд, дав петуха как мальчишка. Забросив длинный соболий плащ за плечи, чтобы было удобнее сражаться, он перехватил меч обеими руками. Ветер утих, но сделалось еще холоднее.

Иной скользил вперед, бесшумно ступая; в руке суще-

ство держало длинный меч. Таких клинков Уилл никогда не видел. Ни один известный людям металл не мог бы пойти на это лезвие. Играя в лунном свете, меч казался прозрачной полоской тонкого хрусталя и почти исчезал, поворачиваясь плоскостью. Он горел призрачным голубым пламенем, и чутье поведало Уиллу, что клинок острее любой бритвы.

– Ну что ж, попляшем и согреемся, – пробормотал сир Уэймар и занес свой меч над головой. Руки его дрожали от тяжести оружия или, может быть, от холода. И все же в тот момент Уилл увидел в нем не прежнего мальчика, но мужа из Ночного Дозора.

Иной остановился, и Уилл заметил глаза существа: глубокая и густая нечеловеческая синева сверкала как лед. Они были обращены к длинному мечу, занесенному над головой, и лунный свет леденил металл. На миг у Уилла появилась надежда.

Они безмолвно возникали из теней двойниками первого. Их было трое... четверо... пятеро... Сир Уэймар, должно быть, ощущал холод, который принесли Иные, но не видел их, даже не слышал. Уиллу следовало бы крикнуть. Но, выполняя свой долг, он лишь навлек бы на себя несомненную смерть. Трепеща, Уилл только теснее обнял дерево, сохраняя молчание.

Бледный меч холодом пронзил воздух.

Сир Уэймар встретил удар сталью. Клинки соприкоснулись не со звоном металла о металл: в воздухе проплыл тонкий стон животного, получившего смертельную рану. Ройс отразил и второй удар, и третий, а затем отступил на шаг. Последовал еще поток ударов, и он снова отступил.

Позади него, справа, слева, вокруг стояли терпеливые, безликие и безмолвные наблюдатели, текущие узоры на хрупкой броне делали их в лесу почти невидимыми. И все же они не пытались вмешаться.

Вновь и вновь встречались мечи. Уиллу захотелось зажать уши, только бы не слышать этот странный болезненный визг. Сир Уэймар теперь пыхтел от натуги, дыхание паром струилось в лунном свете. Его клинок побелел от мороза. Иной же

плясал вокруг с бледным голубым пламенем в руках.

А потом удар Ройса чуть запоздал. Бледный меч прорезал его кольчугу на боку. Молодой лорд вскрикнул от боли. Кровь хлынула между колец. Она задымилась на холоде, красные как огонь капли падали на снег. Пальцы сира Уэймара зажали бок, на кротовой перчатке выступила кровь.

Иной что-то сказал: языка Уилл не знал, голос чужака трещал, словно лед на зимнем озере, но в словах слышалась насмешка.

К сире Уэймару вновь вернулась ярость.

– За короля Роберта! – закричал он и отчаянно бросился вперед, обеими руками занес покрытый изморозью длинный меч и рубанул им сбоку, вложив в удар вес всего тела. Иной ответил небрежным ленивым движением.

Клинки соприкоснулись, и сталь разбилась.

С визгом, отозвавшимся в ночном лесу, длинный меч рассыпался на сотню хрупких иголок, дождем разлетевшихся вокруг. Ройс упал на колени, с криком прижимая руку к глазам. Кровь проступала между его пальцев.

Безмолвные наблюдатели разом шагнули вперед, словно получив какой-то сигнал. Мечи поднимались и падали в смертельном безмолвии. Началась хладнокровная бойня. Бледные клинки прорезали кольчугу, словно какой-то шелк. Уилл закрыл глаза. Голоса их и смех, колючий, словно сосульки, раздавались где-то под ним.

Не скоро он накопил достаточно отваги, чтобы поглядеть

вниз, даже когда гребень уже опустел.

Едва смея дышать, Уилл еще долго оставался на дереве, и луна медленно ползла по черному небу. Наконец мышцы его окоченели, пальцы онемели от холода, и он стал спускаться.

Тело Ройса лежало лицом в снег, одна рука была протянута в сторону, толстый соболий плащ прорезан в дюжине мест. Было видно, насколько он молод. Мальчишка.

Уилл нашел остатки меча чуть в стороне: клинок расщепился и изогнулся, напоминая дерево, пораженное ударом молнии. Став на колени, Уилл осторожно огляделся вокруг и подобрал оружие. Расщепленный клинок послужит доказательством его слов. Гаред знает, что все это значит, а если нет, то поймет Старый Медведь Мормонт или мэйстер Эймон. Ждет ли его еще Гаред с лошадьми? Надо торопиться.

Уилл поднялся. Над ним высился сир Уэймар Ройс. Красивая одежда разодрана, лицо разбито. Из его левой глазницы торчал обломок меча.

Правый глаз был открыт. Зрачок его горел синим огнем и... видел.

Сломанный меч упал из бесчувственных пальцев. Уилл закрыл глаза, чтобы помолиться. Длинные благородные пальцы коснулись его щеки, стиснули горло. Уилл ощутил прикосновение тончайшей выделки кротовой кожи, липкой от крови. Но прикосновение оказалось ледяным.

Бран

Утро выдалось чистым и ясным, свежесть напоминала о близящемся конце лета. Они выехали на рассвете, чтобы поглядеть, как этому типу отрубят голову; их было двадцать человек, и Бран ехал среди них, нервничая от возбуждения. Впервые лорд-отец и братья сочли его достаточно взрослым, чтобы лицезреть свершение королевского правосудия. Шел десятый год лета – и восьмой в жизни Брана.

Человека этого взяли возле небольшой крепости в горах. Робб считал, что это один из одичалых – человек, присягнувший мечом Мансу Райдеру, Королю-за-Стеной. По коже Брана при этой мысли побежали мурашки. Он помнил, о чем старая Нэн рассказывала у очага. Одичалые – люд жестокий, говорила она, убийцы, работоторговцы и воры. Они водились с великанами и упырями, глухими ночами крали девочек и пили кровь из обточенных рогов. А их женщины Долгой ночью ложились с Иными, чтобы породить ужасных детей, в которых было мало человеческого. Но человек, связанный по рукам и ногам возле стены и ожидавший совершения королевского правосудия, был стар и худ и ростом лишь немного превышал Робба. Лишенный обоих ушей и пальца, он был одет в черное, как подобает брату из Ночного Дозора, только меха его были потрепанны и грязны.

Дыхание людей и коней мешалось, струясь парком в холодном утреннем воздухе. Отец Брана, лорд, велел отре-

зять веревки от стены и подтащить пленника поближе. Робб и Джон, высокие и спокойные, сидели на конях, между ними красовался Бран на своем пони и пытался казаться старше семи лет, старательно изображая, что все это он уже видел. Слабый ветерок дул из ворот крепости. Над головами трепетало знамя Старков из Винтерфелла: серый лютоволк несся по снежно-белому полю.

Отец невозмутимо сидел на коне, длинные темно-каштановые волосы теребил ветер. В подстриженной бороде мелькали белые нити, из-за чего он выглядел старше своих тридцати пяти лет. Серые глаза лорда нынче смотрели угрюмо, он казался непохожим на того мужчину, который вечерами возле огня негромко рассказывал о Веке героев и Детях Леса. *«Он снял с себя маску отца, – подумал Бран. – И надел маску лорда Винтерфелла».*

Холодное утро слышало вопросы судей и ответы на них; сам Бран впоследствии не мог вспомнить, о чем шла речь. Наконец лорд-отец дал приказ, и двое гвардейцев потащили оборванца к колоде железоствола, стоящей в центре площади, и заставили его положить голову на твердое дерево. Лорд Эддард Старк спешил, и его подопечный Теон Грейджой подал меч. Клинок имел собственное имя и звался Лед. Шириной он был в ладонь мужчины, а в длину превышал рост Робба. Черное лезвие выковали из валирийской стали и укрепили заклинаниями. Нет меча острее, чем валирийский.

Отец стащил перчатки, передал их Джори Касселю, капитану его домашней гвардии. Он обхватил меч обеими руками и проговорил:

– Именем Роберта из дома Баратеонов, первого носителя этого имени, короля андалов, ройнаров и первых людей, владыки Семи Королевств и Хранителя государства, по слову Эддарда из дома Старков, лорда Винтерфелла и Хранителя Севера, я выношу тебе смертный приговор. – Огромный меч сверкнул высоко над головой.

Бастард Джон Сноу подвинулся ближе к Брану.

– Придержи-ка своего пони, – шепнул он. – И не отворачивайся, отец заметит.

Бран удержал пони на месте и не отвернулся.

Отец снес голову преступнику одним уверенным ударом. Кровь хлынула на снег, окрасившийся в цвет летнего вина. Один из коней встал на дыбы, и его пришлось удерживать на месте. Бран не мог отвести глаз от крови. Снег вокруг колоды быстро впитывал ее, краснея буквально на глазах.

Голова ударилась о толстый корень и откатилась к ногам Грейджоя. Теон, смуглый молодец девятнадцати лет, во всем находил смешное. Он расхохотался, поставил сапог на голову и пнул...

– Осел, – пробормотал Джон, но так, чтобы не слышал Грейджой. Он положил руку на плечо Брана, тот поглядел на своего незаконнорожденного брата. – А ты молодец, – торжественно объявил Джон с высоты своих четырнадцати

лет, как знаток совершения правосудия.

Обратная дорога показалась более длинной и холодной, хотя ветер стих и солнце поднялось выше. Бран ехал вместе с братьями впереди основного отряда, пони его с трудом держался вровень с рослыми лошадьми.

– Дезертир принял смерть храбро, – проговорил Робб. Высокий и широкоплечий, он рос день ото дня. Робб пошел в мать: светлая кожа, темно-рыжие волосы и голубые глаза Талли из Риверрана. – Мужества, по крайней мере, ему хватило.

– Нет, – вновь негромко ответил Джон. – Храбрость тут ни при чем. Он окоченел от страха. Это читалось в его глазах, Старк. – Собственные глаза Джона, серые настолько, что казались почти что черными, редко упускали что-либо. Он был одного возраста с Роббом, хотя сходства в них обнаруживалось немного, и если Джон был худощав, темноволос, ловок и проворен, то Робб мускулист, светловолос, силен и быстр.

Робб явно не был заинтересован в разговоре.

– Чтоб его глаза вынули Иные, – буркнул он. – Дезертир умер достойно. Спорим, я буду первым у моста?

– По рукам, – ответил Джон, немедленно посылая своего коня вперед. Робб ругнулся и последовал за ним; они помчались вдоль дороги. Робб хохотал и улюлюкал, Джон сохранял сосредоточенное молчание. Копыта коней поднимали фонтаны снега.

Бран и не пытался последовать за ними. Пони его не был

способен на такие штучки. Но глаза оборванца он тоже видел – и теперь вспоминал их. Спустя некоторое время смех Робба растаял вдали, и в лесу вновь стало тихо.

Бран так глубоко погрузился в думу, что даже не услышал, как его нагнал весь отряд и отец подъехал к нему сзади.

– С тобой все в порядке, Бран? – спросил он, пожалуй, даже с заботой.

– Да, отец, – ответил Бран, поднимая взгляд. Его лорд-отец, закутанный в меха, высился над ним на огромном боевом коне подобно великану. – Робб сказал, что человек этот умер храбро, но Джон уверяет, что ему было страшно.

– А ты как думаешь? – спросил отец.

Бран подумал.

– Может ли человек оставаться храбрым, если ему страшно?

– Только в такие моменты человек и может быть храбрым, – ответил отец. – А ты понимаешь, почему я это сделал?

– Он был из одичалых, – проговорил Бран. – Они крадут женщин и продают их Иным.

Лорд-отец улыбнулся:

– Опять наслушался сказок старой Нэн? Понимаешь, человек этот был клятвопреступником, сбежавшим из Ночного Дозора. Нет человека более опасного. Дезертир знает, что, попавшись, расстанется с жизнью, и посему не остановится перед любым преступлением, сколь бы злодейским или жестоким оно ни оказалось. Но ты не понял меня. Я говорю

не о том, почему он должен был умереть, а о том, почему *я* сделал это своими руками.

Брану нечего было сказать.

– У короля Роберта есть палач, – проговорил он неуверенно.

– Да, это так, – согласился отец. – Как и прежде у королей Таргариенов. Но наш обычай древнее. Кровь первых людей по-прежнему течет в жилах Старков: мы считаем, что тот, кто выносит приговор, должен и нанести удар. Если ты собираешься взять человеческую жизнь, сам загляни в глаза осужденного. Ну а если ты не в силах этого сделать, тогда человек, возможно, и не заслуживает смерти. Однажды, Бран, ты станешь знаменосцем Робба, будешь править собственной крепостью от имени твоего брата и твоего короля, и тебе придется совершать правосудие. Когда настанет такой день, ты не должен находить удовольствие в этом деле, но нельзя и отворачиваться... Правитель, прячущийся за наемных палачей, скоро забывает лик смерти.

В этот-то миг на гребне холма перед ними появился Джон. Махнув рукой, он закричал им:

– *Отец, Бран, быстрее, посмотрите, что нашел Робб!* – И с этими словами снова исчез.

Джори подъехал к ним.

– Что-то случилось, милорд?

– Вне сомнения, – отвечал лорд-отец. – Поехали посмотрим, какое безобразие обнаружили мои сыновья.

Он послал своего коня рысью. Джори, Бран и все остальные последовали за ним. Робба они обнаружили на берегу реки к северу от моста, Джон возле него оставался верхом. Снег позднего лета лежал глубоко. Робб стоял по колено в белом сугробе, капюшон откинут назад, и солнце поблескивает в волосах... Он держал что-то в руках, и мальчишки переговаривались негромкими взволнованными голосами.

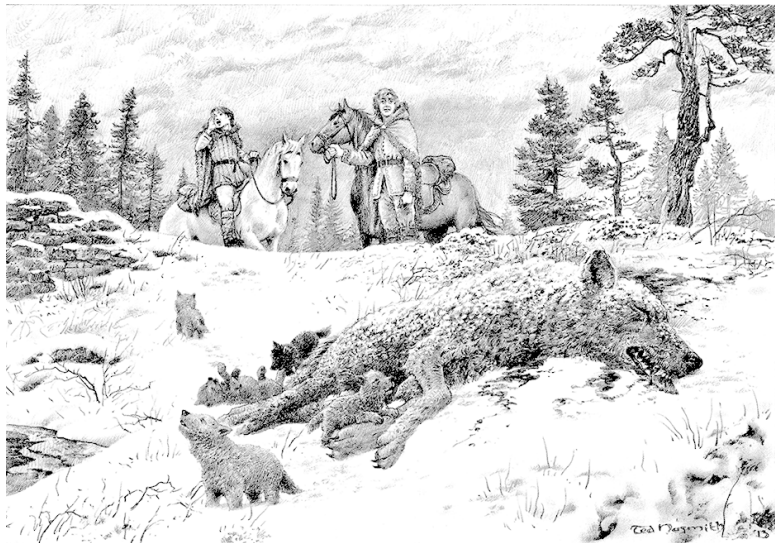
Кони осторожно пробрались среди сугробов, пытаясь отыскать прочную опору для ног на неровной земле. Джори Кассель и Грейджой первыми приблизились к мальчикам. Грейджой смеялся и шутил всю дорогу, но тут Бран услышал, как резко оборвался его смех.

– *О боги!* – воскликнул он, пытаясь сохранить власть над лошадью и протягивая руку к мечу.

Меч Джори уже был в его руках.

– Робб, отойди! – крикнул он, когда лошадь попятилась. Робб ухмыльнулся и поднял взгляд от комка, который держал в руках.

– Она не причинит тебе вреда, Джори, – отвечал он. – Она мертва.

Брана сжигало любопытство. Он пришпорил своего пони, но отец велел ему спешиться перед мостом и идти пешком. Бран соскочил с коня и побежал. К тому времени Джори, Джон и Теон уже спешили.

– Семь преисподних! И что же это такое? – проговорил Грейджой.

– Волчица, – сказал ему Робб.

– Чудовище, – отвечал Грейджой. – Ты только посмотри на ее размеры.

Сердце Брана отчаянно стучало, пока он пробирался к братьям через сугроб, провалившись в него по пояс.

В окрашенном кровью снегу утопал огромный темный силуэт. Косматая серая шкура уже успела покрыться ледком, слабый запах падали тянулся с навязчивостью женских духов. Бран увидел слепые глаза, в которых уже ползали черви, широкую пасть, полную желтых зубов. Величина существа заставила его охнуть. Зверь был выше пони, в два раза больше самой рослой собаки отца.

– Это не чудовище, – невозмутимо отвечал Джон. – Это лютоволк. Они больше обычных.

Теон Грейджой заметил:

– Уже две сотни лет лютоволка ни разу не встречали к югу от Стены.

– Вот он перед нами, – ухмыльнулся Джон.

Бран сумел оторвать взгляд от чудовища и, сразу заметив ком шерсти в руках Робба, с восторженным воплем пододвинулся ближе. Щенок – слепой шар серо-черного меха – тыкался носом в грудь Робба, державшего его на руках, и, не находя молока, грустно скулил. Бран неуверенно протянул руку.

– Давай, – сказал Робб. – Можешь погладить.

Бран нервным торопливым движением погладил животное, потом повернулся, услышав голос Джона.

– А вот и еще один. – Его сводный брат держал в руках второго щенка. – Их здесь пять.

Бран сел в снег и прижал волчонка к лицу. Мягкая шкурка грела щеку.

– После стольких-то лет лютоволки разгуливают по стране, – пробормотал Халлен, мастер над конями. – Мне это не нравится.

– Это знак, – сказал Джори.

Отец нахмурился.

– Джори, это всего лишь мертвое животное, – проворчал он. И все же он казался встревоженным. Захрустел снег под сапогами, отец обошел волчицу. – А почему она погибла?

– Что-то застряло в ее горле, – отвечал Робб, гордясь, что нашел ответ на вопрос, прежде чем отец задал его. – Тут, сразу под челюстью.

Отец встал на колени и запустил руку под голову зверя. Сильным движением он извлек и показал, чтобы все видели, отломанный отросток рога, мокрый от крови.

Внезапное молчание вдруг окутало отряд. Люди в смятении глядели на рог, никто не осмеливался заговорить. Даже Бран ощутил их страх, хотя не мог понять его причины.

Отец отбросил рог в сторону и вытер руки.

– Удивительно, что она протянула достаточно долго и успела оцениться, – сказал он мрачным голосом, разрывая молчание.

– Необязательно, – ответил Джори. – Говорят... словом, сука могла умереть раньше, чем появились щенки.

– Рожденные от мертвой, – заметил другой мужчина. – Счастья не будет.

– Не важно, – сказал Халлен. – Их все равно ждет смерть. Бран испустил крик досады.

– Тогда чем скорее, тем лучше, – согласился Теон Грейджой, доставая меч. – Давай эту тварь сюда, Бран.

Кроха прижалась к нему, словно могла услышать и понять слова.

– *Нем!* – отчаянно выкрикнул Бран. – Он мой.

– Убери-ка меч, Грейджой, – сказал Робб, и в голосе его прозвучала отцовская повелительная нотка, напомнив о том, что когда-нибудь и он станет властным лордом. – Надо сохранить этих щенков.

– Этого нельзя делать, мальчик, – отвечал Харвин, сын Халлена.

– Милосердие велит убить их, – добавил Халлен.

В поисках поддержки Бран повернулся к лорду-отцу, но получил в ответ лишь хмурый, озабоченный взгляд.

– Халлен говорит правду, сын. Лучше быстрая смерть, чем медленная от холода и голода.

– *Нем!* – Бран ощутил, как слезы наполняют глаза, и отвернулся. Он не хотел плакать перед отцом.

Робб упрямо сопротивлялся.

– Рыжая сука сира Родрика оценилась на прошлой неделе, – сказал он. – Помет невелик, в живых осталось лишь два щенка. У нее хватит молока.

– Она разорвет их на части, когда они попытаются сосать.

– Лорд Старк, – проговорил Джон, обращаясь к отцу

с непривычной официальностью. Бран поглядел на него с отчаянной надеждой. – Всего щенков пять. Трое кобельков, две суки.

– Ну и что из этого, Джон?

– У вас пятеро законных детей, – сказал Джон. – Трое сыновей, две дочери. Лютоволк – герб вашего дома. Эти щенки предназначены вашим детям, милорд.

Бран заметил, как лицо отца переменялось, все вокруг обменялись взглядами. В этот миг он любил Джона всем сердцем. Даже в свои семь лет Бран понял, на что пошел его брат. Счет сошелся лишь потому, что Джон исключил себя. Оставив девочек и даже маленького Рикона, но не посчитав себя самого – бастарда, носящего фамилию Сноу. Закон северных земель предписывает называться так любому несчастному, которому не выпала удача родиться с собственным именем.

Отец это прекрасно понял.

– Разве ты не хотел бы взять щенка и себе, Джон? – спросил он негромко.

– Отец, лютоволк украшает знамена Старков, – сказал Джон, – а я не Старк.

Лорд-отец задумчиво посмотрел на Джона. Робб торопливо попытался заполнить напряженное молчание.

– Я сам выкормлю щенка, – пообещал он. – Обмакну полотенце в теплое молоко и дам ему пососать.

– Я тоже! – отозвался Бран.

Лорд Старк внимательно поглядел на своих сыновей.

– Легко сказать, труднее сделать. Я не хочу, чтобы вы травили время своих слуг на пустяки. Если вам нужны щенки, кормите их сами. Понятно?

Бран ретиво закивал. Щенок пошевелился в его руке, лизнул в лицо теплым языком.

– Вы должны и воспитать их, – сказал отец. – Только самостоятельно. Псарь не подойдет к этим чудовищам, я это обещаю. И пусть боги помогут вам, если вы забросите их, озлобите и плохо обучите. Лютоволк – не собака, молящая о подачке, его нельзя будет отбросить пинком. Он способен запросто отхватить человеку руку, как пес перегрызает крысу. Вы уверены, что хотите этого?

– Да, отец, – отвечал Бран.

– Да, – согласился Робб.

– Невзирая на все ваши старания, щенки могут умереть.

– Они не умрут, – обещал Робб. – Мы не допустим этого.

– Пусть тогда живут. Джори, Десмонд, заберите остальных щенков. Пора возвращаться в Винтерфелл.

Только когда все поднялись в седло и взяли с места, Бран позволил себе ощутить сладкий вкус победы. К тому времени его щенок уже устроился под кожаной одеждой, в тепле и безопасности. Бран все думал о том, как назвать его. На половине моста Джон внезапно остановился.

– Что такое, Джон? – спросил лорд-отец.

– Вы не слышите?

Бран слышал голос ветра в ветвях, стук копыт по доскам

железного дерева, скулеж голодного щенка, но Джон внимал чему-то другому.

– Там, – сказал Джон. Развернув коня, он направился галопом через мост.

Все видели, как он спешил, наклонился над мертвой волчицей. И мгновение спустя направился назад улыбаясь.

– Наверное, отполз в сторону от остальных, – проговорил Джон.

– Или его прогнали, – сказал отец, глядя на последнего щенка, белого в отличие от серых сестер и братьев. Глаза его были красны, как кровь того оборванца, что умер этим утром. Бран удивился тому, что именно этот щенок уже открыл глаза, когда все остальные еще оставались слепыми.

– Альбинос, – с сухим удивлением сказал Теон Грейджой. – Этот умрет даже быстрее, чем все остальные.

Джон Сноу одарил воспитанника своего отца долгим холодным взглядом.

– Едва ли, Грейджой, – возразил он. – Этот принадлежит мне.

Кэтлин

Здесьняя богороща никогда не нравилась Кэтлин.

Она родилась на юге – в Риверране, у Красного Зубца, одной из трех рек, сливавшихся в Трезубец. Там богороща была садом, ярким и воздушным... там высокие краснодеревы раскидывали пятнистые тени над звонкими ручьями, там птицы пели в гнездах, там воздух благоухал цветами.

Боги Винтерфелла любили другие леса. Темный первобытный уголок, три акра старого леса, нетронутые в течение десяти тысяч лет, и мрачный замок вокруг него. Тут пахло влажной землей и гниением. Тут не рос красный лес. Упрямые страж-деревья в серо-зеленых игольчатых шубах сменялись могучими дубами и колоннами железоствола, древними, как сама округа. Тут толстые черные стволы теснились друг к другу, корявые ветви сплетались в плотный навес над головой, а уродливые корни выползали из-под земли. Тут царило глубокое молчание, властвовала задумчивая тень, и боги, обитавшие в лесном краю, имен не имели.

Но она знала, что найдет мужа именно здесь. Отобрав жизнь человека, Эддард всегда уходил в тишину богорощи.

Кэтлин была помазана семью елеями, она получила имя в радуге света, наполнявшей септу Риверрана. Ее боги имели имена, и лики их были знакомы ей, как лица родителей. Эту же веру исповедовали и дед ее, и прадед. Во время служ-

бы септон кадил благовониями, семигранный кристалл наполнялся живым светом, пели голоса. Как подобает великому дому, Талли содержали и богорощу, но только гуляли там, или читали, или лежали на солнце. Поклонение совершалось в септе. Для нее одной Эддард соорудил небольшую септу, чтобы она могла петь перед семью ликами Бога, но в жилах Старков до сих пор текла кровь первых людей, и муж ее поклонялся старым богам, безымянным и безликим божествам зеленого леса, позаимствованным у давно исчезнувших Детей Леса.

А в центре лужайки древнее чардреву размышляло над небольшим прудом, наполненным черной холодной водой. Сердце-дерево – называл его Нед. Кора чардреву белела обветренной костью, темно-алые листья казались тысячу замаранных в крови ладоней. На толстом стволе было вырезано лицо, длинное и задумчивое; глубоко ушедшие в кору глаза заплыли застывшим соком и казались странно внимательными. Они знали, что такое древность: эти глаза были старше самого Винтерфелла. Если не обманывали легенды, они видели, как Брандон Строитель заложил первый камень, они видели, как поднимались гранитные стены замка. Говорили, что Дети Леса вырезали лики на деревьях в столетия, предшествовавшие нашествию первых людей из-за Узкого моря.

На юге последние чардреву были срублены или сожжены еще тысячу лет назад, если не считать острова Ликов, где зеленые люди еще несли свою безмолвную службу. Здесь, на севере, все было иначе. Здесь у каждого замка была своя богороца, и в каждой богороце росло сердце-дерево, и у каждого сердце-дерева было лицо.

Кэтлин обнаружила своего мужа под чардревом, сидящим на заросшем мхом камне. Двуручный меч Лед лежал на его коленях, он омывал клинок в черных как ночь водах запруды. Слежавшийся за тысячелетия толстый слой почвы поглощал звук шагов Кэтлин, но красные глаза неотступно следи-

ли за ней со ствола дерева.

– Нед, – негромко позвала она.

Он поднял на нее глаза и спросил голосом далеким и офи-

циальным:

– Кэтлин, а где дети?

Муж всегда спрашивал ее о них.

– В кухне, они спорят о том, как назвать волчат. – Она растелила свой плащ на дернине и села возле пруда спиной к чардреvu. Кэтлин ощущала, как следят за ней глаза, но изо всех сил старалась не замечать этого взгляда. – Арья уже влюбилась, Санса очарована и благодарна, но Рикон еще не определился.

– Он боится? – спросил Нед.

– Немного, – признала она. – Но ему только три.

Нед нахмурился.

– Его пора учить встречаться лицом к лицу с собственным страхом. Три года ему не навечно. Потом, зима близко.

– Да, – согласилась Кэтлин. От слов этих, как всегда, по коже ее пробежал озноб. Слова Старков. В каждом благородном доме есть собственное речение: фамильные девизы, критерии, молитвы; одни хвастали честью и славой, другие обещали верность и правду, третьи присягали в вере и отваге. Все, кроме Старков. «Зима близко», – сулили они. Кэтлин не впервые подумала о том, насколько же странный народ эти северяне.

– Беглец умер сегодня с достоинством, следует отдать ему должное, – проговорил Нед. Он водил по огромному мечу лоскутом промасленной кожи, полируя металл до темного блеска. – Я был рад этому из-за Брана. Ты бы гордилась им.

– Я всегда горжусь Браном, – отвечала Кэтлин, разглядывая меч под руками мужа. Она угадывала волнующиеся глыбы внутри клинка, где металл сотню раз смяли во времяковки. Кэтлин не любила мечей, но не могла отрицать, что Льду присуща особенная краса. Меч выковали в Валирии, до того как Рок обрушился на Фригольд; кузнецы там обрабатывали металл не одними молотами, но и заклинаниями. Четыре сотни лет было мечу, и лезвие его ничуть не затупилось с того дня, когда мастер выпустил его из рук. Имя же сохранилось с еще более древних времен. Наследие Века героев, когда Старки были Королями Севера.

– Уже четвертый в этом году, – мрачно заметил Нед. – Бедняга наполовину обезумел от страха. Что-то настолько перепугало его, что он просто не понимал моих слов. – Он вздохнул. – Бен пишет, что в Ночном Дозоре осталось меньше тысячи человек. И дело не только в дезертирах. Дозор теряет людей в стычках.

– С одичалыми? – спросила Кэтлин.

– А с кем же еще? – Нед поднял Лед, поглядел на длинную полосу холодной стали. – И будет только хуже. Может настать такой день, когда у меня не останется другого выхода, кроме как собрать все знамена и отправиться на север, чтобы раз и навсегда расправиться с этим Королем-за-Стеной.

– Отправиться за Стену? – От этой мысли Кэтлин поежилась.

Нед заметил промелькнувшее выражение ужаса на ее лице.

– Нам нечего страшиться Манса Райдера.

– За Стеной обитают более страшные твари. – Она оглянулась на сердце-дерево, красные глаза на бледной коре следили, прислушивались, обдумывали свои длинные, неторопливые мысли.

– Ты слишком любишь слушать сказки старой Нэн, – ответил Нед с мягкой улыбкой. – Иные мертвы, как и Дети Леса, они исчезли восемь тысячелетий назад. Мэйстер Лювин скажет тебе, что они никогда не существовали. Никто из живых людей еще не видел их.

– До нынешнего утра ни один человек не видел и лютоволка, – напомнила ему Кэтлин.

– Когда споришь с Талли, следует обдумывать слова, – ответил Нед с горькой улыбкой и вдвинул Лед в ножны. – Но ты пришла не для того, чтобы рассказывать мне детские сказки; я знаю, насколько мало нравится тебе это место. Так в чем же дело, моя госпожа?

Кэтлин взяла мужа за руку.

– Сегодня пришли горестные вести, милорд. Я не хотела беспокоить тебя, пока ты не очистишься. – Смягчить удар было невозможно, поэтому она сказала прямо: – Мне так жаль, моя любовь. Умер Джон Аррен. – Их взгляды встретились, и она поняла, насколько тяжела утрата. Это легко было предвидеть. Нед провел свою юность воспитанником

в Орлином Гнезде, бездетный лорд Аррен сделался вторым отцом и ему, и его совоспитаннику Роберту Баратеону. Когда Безумный король Эйрис II Таргариен потребовал выдать обоих, лорд Орлиного Гнезда поднял свой стяг с луной и соколом и выступил против властелина, но не предал тех, кого должен был защищать. Ну а после того, пятнадцать лет назад, второй отец сделался также и братом Неда. Оба они стояли в септе Риверрана, сочетались браком с двумя сестрами, дочерьми лорда Хостера Талли.

– Джон... – проговорил он. – А весть достойна доверия?

– Письмо написано самим Робертом и запечатано королевской печатью. Я оставила его для тебя. Он написал, что лорда Аррена унесла быстрая хворь, даже мэйстер Пичель оказался беспомощен, ему пришлось напоить Джона маковым молоком, чтобы тот меньше мучился.

– Да, это большая потеря, – проговорил он. Кэтлин видела горе на лице мужа, но и сейчас он в первую очередь подумал о ней. – А как твоя сестра? – спросил он. – И мальчик Джона? Что слышно о них?

– Написано, что с ними все в порядке и они возвратились в Орлиное Гнездо, – проговорила Кэтлин. – Я бы хотела, чтобы они приехали в Риверран. В Гнезде высоко и одиноко, это дом ее мужа, а не ее собственный. Память о лорде Джоне будет наполнять каждый камень. Я знаю сестру. Она нуждается в утешении, в семье и друзьях вокруг себя.

– Ваш дядя ожидает ее в Долине, разве не так? Я слышал,

что Джон возвел его в Рыцари Ворот.

Кэтлин кивнула:

– Бринден сделает все возможное и для Лизы, и для мальчика. В этом немного утешения, но все же...

– Езжай к сестре, – предложил Нед. – Возьми детей; пусть ее дом наполнится шумом, криками, смехом. Ее мальчику нужна сейчас детская компания, да и Лиза будет не одна в своем горе.

– Хотелось бы мне это сделать, – проговорила Кэтлин. – Но в письме были и другие вести. Король едет в Винтерфелл, чтобы провести тебя.

Нед не сразу понял ее, но когда до него дошло, мрак оставил его глаза.

– Значит, Роберт едет сюда? – Она кивнула, и улыбка промелькнула на его лице.

Кэтлин хотелось бы разделить счастье мужа. Но она уже слыхала разговоры во дворе: мертвая лютovolчица в снегу, сломанный рог в ее горле. Ужас свернулся внутри Кэтлин змеей, но она заставила себя улыбнуться любимому, не верящему в приметы.

– Я знала, что это порадует тебя, – сказала она. – Нам следовало бы послать весть твоему брату на Стену.

– Да, конечно, – согласился он. – Бен захочет приехать. Я скажу, чтобы мэйстер Лювин послал самую быструю птицу. – Нед поднялся и помог ей встать. – Проклятье, сколько же лет прошло? И Роберт не прислал предупреждения!

Сколько людей в его отряде? В письме это сказано?

– По-моему, сотня рыцарей, каждый с собственной свитой, и еще столько же вольных всадников. Серсея и дети едут вместе с ними.

– Ради них Роберт замедлит ход, – проговорил Нед. – Неплохо, у нас будет больше времени, чтобы подготовиться к встрече.

– С ним едут и братья королевы, – сказала она.

Нед скривился. Кэтлин знала, что муж не испытывал особой любви к семье королевы. Ланнистеры с Утеса Кастерли выступили на стороне Роберта, только когда в его победе уже не оставалось сомнений, и Старк до сих пор так и не простил их.

– Ну что ж, если за общество Роберта приходится расплачиваться нашествием Ланнистеров, пусть так и будет. Похоже, что Роберт взял с собой половину двора.

– Куда едет король, туда следует и королевство, – сказала она.

– Будет неплохо повидать их детей. Самый младший еще сосал титьку Ланнистерши, когда я в последний раз видел его. Теперь ему, должно быть, лет пять?

– Принцу Томмену семь, – вспомнила Кэтлин. – Столько, сколько и Брану. И пожалуйста, Нед, последи за языком. Твоя Ланнистерша – королева, и гордость ее только возрастает с каждым годом.

Нед пожал ее руку.

– Конечно, нужно устроить пир с певцами, и Роберт наверняка захочет поохотиться. Я пошлю Джори на юг с почетной охраной, чтобы встретить их на Королевском тракте и проводить до дома. Боги, как же мы всех накормим? Он уже в пути, ты сказала? Чтоб его! И его королевскую шкуру!

Дэйнерис

Брат поднял платье, показывая ей.

– Смотри, какая красота. Прикоснись. Пощупай эту ткань.

Дэни прикоснулась к платью. Невероятно гладкая ткань, казалось, омывала ее пальцы подобно воде. Дэни не помнила, чтобы когда-нибудь носила столь мягкую одежду. Ткань пугала ее. Она отняла руку.

– Платье и в самом деле мое?

– Это подарок магистра Иллирио, – отвечал с улыбкой Визерис. Брат ее пребывал сегодня в хорошем настроении. – Ткань подчеркнет фиолетовый цвет твоих глаз. Кроме того, ты получишь золото и всякие камни. Иллирио обещал. Сегодня ты должна выглядеть как принцесса.

«Принцесса», – подумала Дэни. Она уже и забыла, что это такое. А может быть, никогда и не знала.

– Почему же он дает нам столь много? – спросила она. – Чего он хочет от нас? – Уже почти полгода они обитали в доме магистра, ели его еду, пользовались его слугами. Дэни уже исполнилось тринадцать, она прекрасно понимала, что в Вольном городе Пентосе у столь щедрых даров есть своя цена.

– Иллирио не дурак, – проговорил Визерис, тощий юноша с не знающими покоя руками и лихорадочным взглядом сиреневых глаз. – Магистр знает, что я не забуду друзей, когда

сяду на престол.

Дэни ничего не сказала. Магистр Иллирио торговал пряностями, самоцветами, драконьей костью и другими, менее драгоценными вещами. У магистра были друзья во всех девяти Вольных городах, да и за ними, в Ваэс Дотрак и сказочных землях возле Нефритового моря. Говорили также, что не было у него друга, которого он с радостью не продал бы за подходящую цену. Дэни прислушивалась к разговорам на улицах и знала об этом, но предпочитала не подвергать сомнению действия брата, когда он сплетал паутину своих мечтаний. Проснувшийся гнев его бывал ужасен... Визерис всегда предупреждал ее: «Не буди дракона!»

Визерис повесил платье возле двери.

– Иллирио пришлет рабынь, чтобы ты искупалась. Постарайся, чтобы от тебя не пахло конюшней. У кхала Дрого тысяча лошадей, но сегодня он ищет другую кобылу. – Брат оглядел ее критическим взглядом. – Опять сгорбилась. Распрямись. – Он хлопнул Дэни ладонью по спине. – Пусть он увидит, что ты похожа на женщину. – Пальцы его мимоходом коснулись ее наливающейся груди и сжались на соске. – Ты не подведешь меня? Если что – хорошего не жди. Ты же ведь не хочешь разбудить дракона, верно? – Он жестоко ущипнул ее тело под грубой тканью. – *Верно?* – повторил он.

– Нет, – покорно ответила Дэни.

Брат улыбнулся:

– Хорошо. – Он прикоснулся к ее волосам едва ли не с симпатией. – Тогда тот, кто напишет историю моего правления, милая сестрица, отметит, что оно началось сегодня ночью.

Когда он ушел, Дэни направилась к окну и мечтательно поглядела на воды залива. Заходящее солнце вычерчивало черные силуэты квадратных кирпичных башен Пентоса. Дэни могла слышать пение красных жрецов, разжигавших молитвенные костры, и крики оборванных детей, носившихся по улицам за стенами поместья. На мгновение ей захотелось оказаться среди них – босой, запыхавшейся, в лохмотьях, без прошлого и будущего... только бы не присутствовать на пиру в доме кхала Дрого.

Где-то там, за закатом, за Узким морем, находилась земля зеленых холмов, цветущих равнин и широких стремительных рек; башни из темного камня вырастали между величественных голубых гор, рыцари в доспехах выезжали на битву под знаменами своих лордов. Дотракийцы звали эту землю *Раэи Андали* – землей андалов. В Вольных городах ее именovali Вестеросом и Закатными королевствами. Брат называл этот край проще.

– Наша земля, – говорил он. Слова эти он носил с собой словно молитву, которую надо повторять почаще, чтобы боги наверняка слышали ее. – Земля принадлежит нам

по праву рождения, она отнята у нас предательством, но она наша, наша навсегда. Не кради у дракона. О нет, дракон не забудет.

Быть может, дракон и помнил, но Дэни помнить не могла. Она никогда не видела земли, которую брат называл своей, – страну, оставшуюся за Узким морем. Он рассказывал ей про Утес Кастерли, Орлиное Гнездо, Хайгарден, Долину Аррен, Дорн, остров Ликов, но имена эти оставались для нее пустыми словами. Визерису было восемь, когда они бежали из Королевской Гавани, спасаясь от наступающей армии узурпатора, но Дэйнерис тогда еще лежала в материнском чреве.

И все же иногда Дэни представляла себе, как все было, – так часто брат рассказывал ей эти истории. Ночной побег к Драконьему Камню, черные паруса корабля, блестящие под луной, Рэйгар, бьющийся с узурпатором в кровавых водах Трезубца и погибающий ради любимой женщины. Захват Королевской Гавани теми, кого Визерис называл псами узурпатора, – лордами Ланнистером и Старком. Принцесса Элия Дорнийская, молящая о милосердии, когда наследника Рэйгара отрывают от ее груди и убивают у нее на глазах. Полированные черепа последних драконов, слепыми глазницами со стен тронного зала глядящие, как Цареубийца золотым мечом перерезает горло отца.

Дэйнерис родилась на Драконьем Камне девять лун спустя после бегства, в жуткую летнюю бурю, едва не уничтожив-

шую островную твердыню. Говорили, что шторм был ужасен. Стоявший на якоре флот Таргариенов разбился о скалы. Волны выворотили из парпетов огромные каменные блоки и выкинули их в бурные волны Узкого моря. Мать умерла, рожая ее. Этого брат так и не простил Дэйнерис.

Она не помнила и Драконьего Камня. Потом они снова бежали, как раз перед тем, как брат узурпатора поставил паруса на своем заново отстроенном флоте. К тому времени у Таргариенов от Семи Королевств остался лишь Драконий Камень, древнее гнездо рода. Долго это положение не могло сохраниться. Гарнизон уже был готов продать детей узурпатору, но однажды ночью сир Уиллем Дарри с четверкой верных ему людей ворвался в детскую, выкрал их обоих вместе с кормилицей и под покровом темноты отплыл к безопасному Браавосу.

Она смутно помнила сира Уиллема, казавшегося ей огромным седым медведем, полуслепого, громкоголосого, выкрикивающего приказы с ложа. Слуги до ужаса боялись его, но с Дэни он всегда был ласков. Он называл ее крохотной принцессой, иногда своей госпожой, и его ладони были мягкими, как старая кожа. Впрочем, он никогда не покидал постели, запах хвори не оставлял его день и ночь – жаркий, влажный, болезненно сладкий. Так было, пока они жили в Браавосе, в большом доме с красной дверью. У Дэни там была собственная комната с лимонным деревом под окном. После того как сир Уиллем умер, слуги украли те небольшие

деньги, которые оставались у них, и детей скоро выставили из большого дома. Дэни плакала, когда красная дверь навсегда закрылась за ними. После этого они скитались – из Бравоса в Мир, из Мира в Тирош, а потом в Квохор, Волантис и Лисс, не задерживаясь подолгу на одном месте. Брат твердил, что их преследуют нанятые узурпатором наемные убийцы, хотя Дэни так и не видела ни одного из них. Поначалу магистры, архонты и старейшины купцов с удовольствием принимали последних Таргариенов в свои дома и к столам, но годы шли, узурпатор продолжал восседать на Железном троне, и двери закрылись, заставив их жить скромнее. Им пришлось продать последние оставшиеся драгоценности, а теперь закончились и деньги, которые они выручили за корону матери. В переулках и питейных заведениях Пентоса ее брата звали королем-попрошкой. Дэни не хотелось бы узнать, как они звали ее.

– Когда-нибудь мы все вернем, милая сестрица, – обещал ей Визерис. Иногда в эти моменты его руки начинали трястись. – Драгоценности и шелка, Драконий Камень и Королевскую Гавань, Железный трон и Семь Королевств, всё, что они отняли у нас, мы вернем обратно.

Визерис жил только ради этого дня, но все что хотела вернуть Дэйнерис – большой дом с красной дверью, лимонное дерево за ее окном, детство, которого она никогда не знала.

В дверь негромко постучали.

– Войдите, – сказала Дэни, отворачиваясь от окна. Вошли

слуги Иллирио, поклонились и приступили к делу. Это были рабы, подаренные одним из многочисленных друзей магистра среди дотракийцев. В Вольном городе Пентосе рабства не существовало, но тем не менее... Старуха, невысокая и серая, как мышь, не проронила ни слова, зато девушка старалась за обеих. Светловолосая, синеглазая, лет шестнадцати, она была фавориткой Иллирио и трещала не умолкая.

Они наполнили ванну горячей водой, доставленной из кухни, и надушили благоуханными маслами. Девушка стянула грубую льняную рубаху через голову Дэни и помогла ей забраться в ванну. Вода обожгла, но Дэйнерис не дернулась и не вскрикнула: она любила тепло, дававшее ей ощущение чистоты. К тому же брат часто говорил ей: «Таргариенам не бывает жарко. Мы принадлежим к дому Дракона. Огонь растворен в нашей крови».

Сохраняя молчание, старуха вымыла ее длинные серебряные волосы и аккуратной, ласковой рукой распутала космы. Тем временем девушка терла спину и ноги Дэйнерис и говорила, как ей повезло:

– Дрого такой богатый, что даже его рабы носят золотые ошейники. В кхаласаре его ездит сотня тысяч мужчин, а дворец в Ваэс Дотрак располагает двумя сотнями комнат – в которые ведут двери из литого серебра.

И так далее, и тому подобное. Какой этот кхал красивый, какой он высокий и свирепый, бесстрашный в битве, не знающий промаха лучник; наездник, лучше которого еще

не видывал мир. Дэйнерис молчала. Она всегда предполагала, что выйдет замуж за Визериса, когда встанет взрослой. Век за веком Таргариены выдавали сестру за брата – начиная с Эйгона Завоевателя, взявшего в жены собственных сестер. Визерис тысячу раз говорил ей, что следует хранить чистоту крови, ведь в их жилах течет кровь королей, золотая кровь древней Валирии, кровь Дракона. Как Драконы не спаривались с полевыми зверями, так и Таргариены не смешивали свою кровь с менее благородной кровью. И все же Визерис замыслил продать ее чужаку, варвару.

Когда она помылась, рабыни помогли ей вылезти из воды и вытерли досуха. Девушка расчесывала ей волосы до тех пор, пока они не засияли, как расплавленное серебро, а старуха надушила ее тело цветочными ароматами дотракийских равнин: по капле на каждое запястье, позади ушей, на кончики грудей и, наконец, последнее холодное прикосновение – к губам, что между ее ног. Они надели на Дэйнерис вуаль, которую прислал магистр Иллирио, а потом облачили в платье; сливовый шелк подчеркивал фиолетовый цвет ее глаз. Девушка надела на ноги Дэни золоченые сандалии, а старуха закрепила в волосах тиару и застегнула на руках золотые браслеты, украшенные аметистами. Последним было ожерелье – тяжелое золотое кольцо, украшенное старинными валирийскими символами.

– Настоящая принцесса, – выдохнула девушка, когда они закончили. Дэни поглядела на свое отражение в зеркале, ко-

торое Иллирио предусмотрительно ей прислал. «*Принцесса*», — подумала она, но вспомнила слова девушки о том, что кхал Дрого настолько богат, что даже рабы его носят золотые ошейники. Она ощутила внезапный холод, озноб, и гусиная кожа выступила на ее обнаженных руках.

Брат ожидал ее в прохладе прихожей. Сидя на краю бассейна, он водил пальцами по воде. Визерис поднялся, заметив сестру, и критически оглядел ее.

– Стань здесь, – сказал он. – Повернись. Да, хорошо. Ты выглядишь...

– Царственной, – проговорил магистр Иллирио, появившийся под аркой входа. Он двигался с удивительной легкостью для столь массивного человека. Свободное одеяние из огненного шелка укрывало слои трясущегося жира. На каждом пальце поблескивали драгоценные камни, и слуга умастил его раздвоенную желтую бороду, доведя ее до золотого блеска.

– Пусть Повелитель Света осыплет вас благословениями в самый удачный день вашей жизни, принцесса Дэйнерис, – проговорил магистр, взяв ее за руку. Он поклонился, на миг показав желтые зубы в золоте бороды. – Она просто мечта, ваша светлость, просто мечта, – сказал он брату. – Дрого будет покорён.

– Слишком уж худа, – отозвался Визерис. Волосы того же серебристого цвета, что и у сестры, у него были туго зачесаны назад и скреплены брошью из драконьей кости. Прическа подчеркивала жесткое и сухое лицо принца. Он опустил руку на рукоять меча, который Иллирио одолжил ему, и спросил:

– Вы уверены, что кхал Дрого любит таких молодых женщин?

– У нее уже была лунная кровь. Она созрела для кхала, – повторил ему Иллирио уже не в первый раз. – Поглядите на нее. Серебристо-золотые волосы, пурпурные глаза...

в ней видна кровь старой Валирии, вне сомнения, вне сомнения... И знатность – дочь старого короля и сестра нового, она не может не увлечь нашего друга. – Когда он выпустил ее руку, Дэйнерис поняла, что дрожит.

– Может быть, – с сомнением отвечал Визерис. – У дикарей странные вкусы. Мальчики, лошади, овцы...

– Лучше не говорить об этом при кхале Дрого, – проговорил Иллирио.

Гнев блеснул в сиреневых глазах ее брата.

– Вы принимаете меня за дурака?

Магистр чуть поклонился.

– Я принимаю вас за короля. А королям несвойственна природная осторожность обычного человека. Прошу простить, если обидел вас. – Иллирио отвернулся и хлопнул в ладоши, призывая носильщиков.

На улицах Пентоса было уже совсем темно, когда они выехали в паланкине Иллирио, украшенном тонкой резьбой. Двое слуг впереди освещали дорогу причудливыми масляными фонарями из бледно-голубого стекла, дюжина сильных мужчин несла шесты на плечах. Было тепло, занавески лишь усиливали духоту. За крепким запахом духов Дэни ощущала вонь пухлой плоти Иллирио.

Брат, распростершийся на подушках возле нее, ничего не замечал. Мысли его были далеко, в стране за Узким морем.

– Нам не потребуется весь кхаласар, – сказал Визерис.

Пальцы его играли рукоятью чужого клинка, хотя Дэни знала, что он никогда еще не использовал меч по назначению. — Десяти тысяч будет довольно. Я покорю Семь Королевств с десятью тысячами крикунов-дотракийцев. Страна выступит на стороне своего законного короля. Тирелл, Редвин, Дарри, Грейджой любят узурпатора не больше, чем я. Дорнийцы рвутся отомстить за Элию и ее детей. Простонародье тоже будет за нас. Они нуждаются в своем короле. — Он озабоченно посмотрел на Иллирио. — Так, я не ошибаюсь?

— Это ваш народ, и они любят вас, — дружелюбно отвечал магистр Иллирио. — В твердых по всему королевству люди втайне поднимают тосты за ваше здоровье, женщины же вышивают на знаменах драконов и прячут их до того дня, когда вы возвратитесь из-за моря. — Он пожал плечами. — Так утверждают мои поверенные.

У Дэни не было поверенных, и она не могла узнать, что думают или делают за Узким морем, однако принцесса не верила ласковым словам Иллирио, как и не верила купцу вообще. Брат же ретиво кивал.

— Я сам убью узурпатора, — обещал он, юноша, еще не проливший ни капли крови, — как убил он моего брата Рэйгара. И Ланнистера тоже, Цареубийцу, за то, что он сделал с моим отцом.

— Достойный поступок, — проговорил магистр Иллирио, и Дэни заметила тень улыбки, скривившей его губы, но брат не видел ничего. Кивнув, Визерис отодвинул занавеску

и принялся смотреть в ночь. Дэни поняла, что в мечтах он вновь сражается при Трезубце.

Девятибашенный дом кхала Дрого расположился возле залива, высокие кирпичные стены его заросли плющом. Как объяснил им Иллирио, дворец предоставили кхалу магистры Пентоса. Вольные города всегда были щедры с владыками кочевников.

– Не то чтобы мы боялись этих варваров, – повествовал Иллирио с улыбкой. – Повелитель Света защитит наш город от миллиона дотракийцев, так обещают красные жрецы... Но зачем рисковать, когда дружба обходится столь дешево?

Паланкин остановился у ворот, и один из стражников безо всякой учтивости отодвинул занавески. Дотракиец этот, меднокожий, темноглазый и безбородый, в остроконечном бронзовом шлеме Безупречных, холодно на них посмотрел. Магистр Иллирио буркнул ему что-то на грубом дотракийском языке, страж ответил подобными словами и пропустил их через ворота. Дэни заметила, как рука ее брата стиснула рукоятку одолженного меча. Он был тоже испуган, как и она.

– Наглый евнух, – пробормотал Визерис, пока паланкин, дергаясь, поднимался к дворцу.

Магистр Иллирио отвечал медовыми речами:

– Сегодня на пиру будет много важных людей. У таких людей есть враги. Кхал должен защитить своих гостей, и главные среди них вы с сестрой, ваша светлость. Вне сомнения, узурпатор готов хорошо заплатить за вашу голову.

– О да, – мрачно ответил Визерис. – Он уже пытался это сделать, Иллирио. Не сомневайтесь в этом. Его наемные убийцы повсюду преследуют нас. Я последний дракон, и он не может заснуть спокойно, пока не отнимет у меня жизнь.

Паланкин замедлил ход и остановился. Занавеси отодвинули, и раб предложил руку, чтобы помочь Дэйнерис выйти. Она отметила, что ошейник его сделан из обычной бронзы. Брат последовал за ней, не отнимая руки от рукояти меча. Иллирио смог подняться на ноги только с помощью двух сильных людей.

Внутри дворца воздух насквозь пропах благовониями, щепогнем, сладким лимоном и корицей. Гостей провели по прихожей, где мозаика из цветного стекла изображала гибель Валирии. В черных железных фонарях, развешанных на стене, горело масло. Под аркой из переплетенных каменных листьев евнух нараспев объявил об их приходе.

– Визерис из дома Таргариенов, третий носитель своего имени, – провозгласил он тонким и сладким голосом, – король андалов, ройнаров и первых людей, владыка Семи Королевств и Хранитель государства. Его сестра, Дэйнерис Бурерожденная, принцесса Драконьего Камня. Его достойный хозяин Иллирио Мопатис, магистр Вольного города Пентос.

Миновав евнуха, они вошли во двор, окруженный заросшей плющом колоннадой. Лунный свет разрисовывал листья оттенками кости и серебра, вокруг расхаживали гости. Сре-

ди них было много дотракийских конных владык, рослых мужей с красно-коричневой кожей; вислые усы перехвачены металлическими кольцами, черные волосы намаслены, расчесаны и увешаны колокольчиками. Были тут и наемники из Пентоса, Мира и Тироша; красный жрец толще самого Иллирио; косматые жители Порт-Иббена и князя с Летних островов, кожа которых показалась ей темнее эбенового дерева. Дэйнерис оглядела собравшихся с удивлением и с внезапным ужасом поняла, что, кроме нее, женщин здесь нет.

Иллирио шепнул им:

– Вот эти трое – кровные всадники Дрого. Возле столба стоит кхал Моро с сыном Рхогоро. Тот зеленобородый – брат архонта Тироша, а позади него – сир Джорах Мормонт.

Последнее имя заинтересовало Дэйнерис:

– Это рыцарь?

– Никак не менее. – Иллирио улыбнулся сквозь бороду. – Помазанный семью елями самим верховным септоном.

– А что он делает здесь? – выпалила она.

– Узурпатор хотел его казнить, – объяснил Иллирио. – Из-за какой-то пустячной ссоры. Сир Джорах продал каких-то браконьеров тирошийскому работорговцу, вместо того чтобы передать их Ночному Дозору. Абсурдный закон. Человек должен иметь право поступить с такими людьми, как ему угодно.

– Мне бы хотелось переговорить с сиром Джорахом Мормонтом, прежде чем ночь закончится, – проговорил ее брат.

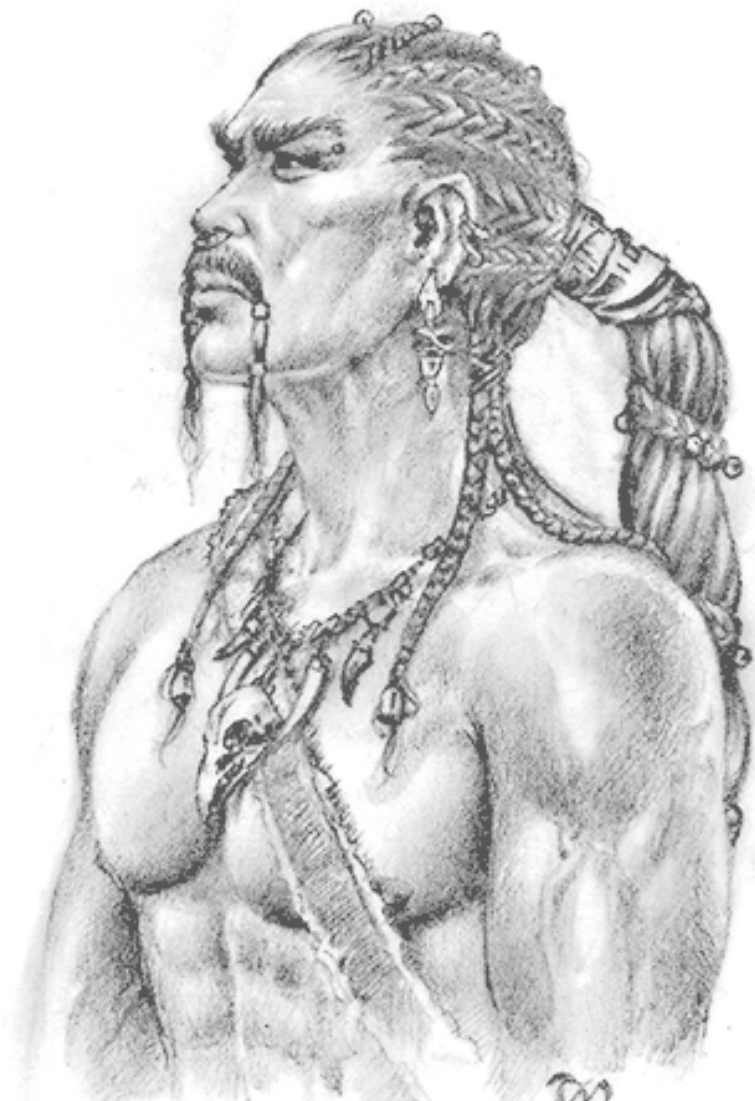
Дэни обнаружила, что и сама смотрит с любопытством на рыцаря. Человек пожилой, лысеющий и уже миновавший сорокалетие, он сохранил силу и крепость. Вместо шелка и хлопка на нем были кожа и шерсть. Темно-зеленую тунику украшало изображение черного медведя, стоящего на задних лапах.

Дэйнерис все еще глядела на этого странного человека, родившегося на ее родине, которую она никогда не знала, когда магистр Иллирио положил влажную ладонь на ее плечо.

– А вон там, милая принцесса, – прошептал он, – там стоит сам кхал собственной персоной. – Дэни хотелось убежать и спрятаться, но брат глядел на нее, и, не угодив ему, она, конечно, разбудила бы дракона. С тревогой она обернулась и поглядела на человека, который, как надеялся Визерис, попросит ее руки, прежде чем закончится ночь.

«Рабыня не слишком уж ошибалась», – подумала она. Кхал Дрого был на целую голову выше самого высокого из мужчин в этом зале, но вместе с тем двигался легко и изящно, словно пантера в зверинце Иллирио. Кхал оказался моложе, чем она думала, вряд ли старше тридцати лет. Кожа Дрого отливала полированной бронзой, густые усы украшали золотые кольца.

– Я должен лично поприветствовать кхала, – проговорил магистр Иллирио. – Подождите здесь, я приведу его.

Когда Иллирио, переваливаясь, направился к кхалу, брат взял Дэни за руку, его пальцы сжались так сильно, что ей стало больно.

– Видишь его косу, милая сестрица?

Коса Дрого, черная как ночь и тяжелая от ароматных масел, была увешана крошечными колокольчиками, позвякивавшими, когда он двигался. Коса эта опускалась ниже пояса, ниже ягодиц кхала, доставая концом бедер.

– Видишь, какая длинная? – спросил Визерис. – Когда до-тракиец терпит поражение в поединке, он отрезает свою косу в знак унижения, чтобы мир знал о его позоре. Кхал Дрого никогда не проигрывал поединка. Он вновь рожденный Эйгон Лорд-Дракон, и ты будешь его королевой.

Дэни поглядела на кхала Дрого. Лицо его показалось ей жестоким и жестким, глаза – холодными и темными, словно оникс. Брат иногда причинял ей боль, когда она будила дракона, но Визерис никогда не пугал ее так, как этот человек.

– Я не хочу быть его королевой, – проговорила она тоненьким голоском. – Пожалуйста, *пожалуйста*, Визерис, я не хочу, я хочу домой.

– *Домой?* – отвечал он негромко, но так, чтобы она могла слышать ярость в его тоне. – И как же мы попадем домой, милая сестрица? Родной дом у нас отобрали. – Визерис увлек сестру в тень подальше от посторонних глаз, и пальцы впились в ее кожу. – *И как же мы вернемся домой?* – повторил

он, имея в виду Королевскую Гавань, Драконий Камень и ту страну, которую они потеряли.

Дэни, конечно, имела в виду лишь их покои у Иллирио, а не истинный дом, но брат не хотел и слушать об этом. У него здесь не было дома. И тот большой дом с красной дверью не являлся ему родным. Пальцы Визериса впились в ее руку, он ждал ответа.

– Не знаю, – наконец дрожащим голосом проговорила она. Слезы закипали в глазах Дэни.

– А я знаю, – отвечал он резко. – Мы направимся домой во главе войска, милая сестрица. Во главе войска кхала Дрого, вот так мы вернемся домой. И если для этого тебе нужно выйти за него замуж и лечь с ним в постель, значит, ты сделаешь это. – Он улыбнулся. – Я бы позволил всему его кхаласару оттрахать тебя, моя милая сестрица, всем сорока тысячам мужчин и их жеребцам, если бы таким образом смог получить для себя войско. Радуйся, что тебя ждет только Дрого. Со временем он, может быть, тебе даже понравится. А теперь просуши глаза. Иллирио ведет его сюда, и кхал не должен видеть твоих слез.

Дэни повернулась и увидела, что магистр Иллирио, сладко улыбаясь, с поклонами уже подводит кхала Дрого к месту, где они стояли. Она смахнула неупавшие слезы тыльной стороной ладони.

– Улыбнись, – нервно шепнул Визерис, положив руку на рукоять меча. – И стой прямо. Пусть он увидит, что у тебя

есть грудь. Боги знают, что она и так невелика.

Дэйнерис улыбнулась и стала прямо.

Эддард

Гости хлынули в ворота замка рекой золота, серебра и полированной стали; отряд в три сотни мечей, лучшие знаменосцы и рыцари, присяжные мечи и вольные всадники. Над их головами северный ветер теребил дюжину золотых знамен, расшитых венценосным оленем Баратеонов.

Нед знал многих. Вот сир Джейме Ланнистер, с волосами светлыми, как кованое золото, а вот промелькнуло жуткое обгорелое лицо Сандора Клигейна. Высокий юноша возле него мог быть только кронпринцем, а тот коротышка позади них, безусловно, Бес, Тирион Ланнистер.

Но рослый мужчина, возглавлявший отряд, которого сопровождали по бокам два рыцаря в снежно-белых плащах Королевской гвардии, показался Неду почти неузнаваемым... пока не соскочил со спины боевого коня со знакомым ревом и не обнял его так, что кости затрещали.

– *Нед!* Ах, как я рад снова видеть твою ледяную физиономию! – Король оглядел его сверху донизу и расхохотался. – А ты вовсе не переменялся.

Неду хотелось бы сказать то же самое. Миновало пятнадцать лет с той поры, как они выехали, чтобы отвоевать престол, и тогда лорд Штормового Предела был чисто выбрит, ясноглаз и мускулист, как в девичьих мечтах. Шести с половиной футов ростом, он и так возвышался над окружаю-

щами, но, надевая броню и великий рогатый шлем своего дома, становился истинным великаном. И сила у него была под стать обличью: Роберт в сражениях предпочитал шипастый боевой молот, который Нед едва мог поднять. В те дни запах крови и кожи пропитывал его, словно духи. Ну а теперь к нему прилип запах настоящих духов, и пузо выросло под стать росту. Нед в последний раз видел короля девять лет назад, во время мятежа Бейлона Грейджоя, когда олень и лютоволк объединились, чтобы покончить с претензиями лорда Железных островов, провозгласившего себя королем. С той ночи, когда они стояли бок о бок в павшей твердыне Грейджоя, где Роберт принял капитуляцию восставшего лорда, а Нед взял в заложники и воспитанники его сына Теона, король набрал не менее восьми стоунов. Борода, грубая и черная, словно железная проволока, покрывала его щеки, пряча двойной подбородок, но ничто не могло спрятать его брюхо и черные круги под глазами.

И все же Роберт был теперь королем Неда, а не просто другом, поэтому он отвечал согласно этикету:

– Ваша светлость, Винтерфелл к вашим услугам.

К этому времени начали спешиваться и все остальные, конюхи подошли, чтобы увести коней. Королева Роберта Серсея Ланнистер вошла в ворота пешком вместе со своими младшими детьми. Карета, в которой они ехали, – огромный двухэтажный экипаж из промасленного дерева и позолоченного металла, влекомый сорока тяжеловозами, – была слиш-

ком велика, чтобы пройти в ворота замка. Нед встал на колени в снег, чтобы поцеловать кольцо королевы, а тем временем Роберт обнял Кэтлин, словно давно потерянную сестру. Потом позвали детей, их представили, и обе стороны одобрили молодежь.

Когда официальное приветствие и все формальности были совершены, король сказал хозяину:

– Отведи меня в свою крипту, Эддард, я должен отдать дань памяти.

Неду понравилось, что король не позабыл его сестру. А ведь прошло столько лет! Он крикнул, чтобы принесли фонарь. Других слов было не нужно. Королева немедленно начала протестовать. Они ехали с самого рассвета, все устали и замерзли и, конечно, в первую очередь должны привести себя в порядок. Мертвые могут и подождать. Лишь только она начала ворчать, Роберт поглядел на нее, а брат-близнец Джейме сжал королеве руку. Ей пришлось замолчать.

Потом они вместе отправились в крипту: Нед и король, которого он едва узнал. Вились крутые каменные ступеньки. Нед шел первым с фонарем в руках.

– А я уже думал, что мы никогда не доберемся до Винтерфелла, – пожаловался Роберт спускаясь. – Когда на юге мне говорят о моих Семи Королевствах, то обычно забывают, что твоя часть такая же большая, как все шесть остальных вместе взятых.

– Полагаю, путешествие было приятным, ваша светлость?

Роберт фыркнул:

– Болота, леса и поля, и едва ли хоть один приличный постоянный двор к северу от Перешейка. Я никогда не видел подобных диких просторов. Где же твой *народ*?

– Должно быть, перепугались и спрятались, – пошутил Нед. Он ощущал поднимающийся по лестнице холод земных глубин. – Короли редко показываются на севере.

Роберт усмехнулся:

– Скорее всего зарылись в снег. *В снег*, Нед! – Король оперся рукой о стену, чтобы не упасть.

– Поздним летом снег у нас выпадает нередко, – проговорил Нед. – Надеюсь, эта пороша не смутила тебя. Снега выпало немного.

– Это Иным, может быть, немного. – Роберт выругался. – На что же похож Винтерфелл зимой? Боюсь и подумать.

– Зимы здесь суровы, – согласился Нед. – Но Старки живут. Нам зимовать не впервой.

– Тебе нужно съездить на юг, – сказал Роберт, – хотя бы посмотреть, каким бывает лето, прежде чем оно закончится. Заглянуть в Хайгарден, там золотые розы покрывают целые поля, уходящие вдаль так далеко, как может видеть глаз. Плоды становятся такими спелыми, что просто лопаются во рту, – дыни, персики, огненные сливы, ты никогда не пробовал подобной сладости. Скоро сам узнаешь, я их привез с собой. Даже в Штормовом Пределе, когда добрый ветер дует с залива, дни настолько жарки, что не хочется шевелить-

ся. Посмотрел бы ты сейчас на наши города, Нед! Цветы повсюду, рынки полны еды, летние вина так дешевы и добры, что пьянеешь от одного запаха. Вокруг одни только подгулявшие богатые толстяки. – Король расхохотался и шлепнул себя по объемистому животу.

– Ну а *девицы*, Нед! – Глаза Роберта сияли. – Уверяю тебя, жара заставила женщин забыть о всякой скромности. Они купаются голыми в реке как раз возле замка, на улицах слишком парит, чтобы носить шерсть или мех, поэтому они ходят в коротких платьях из шелка, если у них есть деньги, или хлопка, если нет, но когда от жары их одежда прилипает к телу, все они начинают казаться голыми. – Король блаженно расхохотался.

Роберт Баратеон всегда обладал неумным аппетитом и умел брать от жизни все удовольствия. Никто не мог бы обвинить в этом Эддарда Старка. И все же Нед с сожалением заметил, сколь тягостный отпечаток оставили плотские радости на внешности короля. К тому времени, когда они достигли подножия лестницы, Роберт успел запыхаться, и лицо его стало красным в свете лампы, когда они ступили во тьму крипты.

– Ваша светлость, она в дальнем конце, вместе с отцом и Брандоном, – почтительно сказал Нед, описывая фонарем широкий полукруг. Тени двигались и трепыхались. Мерцающий свет прикасался к камням под ногой, вырисовывал длинную процессию гранитных столбов, попарно марширо-

вавших вперед во тьму. Между столбами на каменных тронах возле стены сидели изваяния усопших, припав спиной к склепам, хранившим их смертные останки.

Нед отправился вперед, и Роберт молча последовал за ним, поеживаясь от подземного холода. Тут всегда было зябко. Звук шагов по камню отдавался над головой, пока они шли мимо строя мертвецов дома Старков. Покойные лорды Винтерфелла следили за шагами пришельцев. Длинными рядами сидели подобия здешних хозяев на камнях, запечатавших гробницы, их слепые глаза разглядывали вечную тьму, а огромные каменные лютоволки лежали, свернувшись, возле каменных ног. Казалось, что тени заставляют каменные фигуры шевелиться, пропуская мимо себя живых.

По древнему обычаю, на колени каждому, кто был лордом Винтерфелла, клали железный длинный меч, чтобы удержать его мстительный дух в своей гробнице. Самые древние из мечей давно проржавели и рассыпались в прах, оставив лишь несколько красных пятен там, где металл соприкасался с камнем. Нед подумал, не означает ли это, что эти самые призраки могут свободно бродить по замку? Оставалось надеяться, что это не так. Первые лорды Винтерфелла были людьми жесткими, как и та земля, которой они правили. В те столетия, что предшествовали появлению повелителей драконов из-за моря, Старки никому не приносили присяги, собственной волей именуя себя Королями Севера.

Нед остановился возле последней гробницы и поднял мас-

ляный фонарь. Здесь оканчивались запечатанные гробницы, но крипта тянулась и дальше, зияющие черные дыры ожидали постояльцев: и его самого, и детей. Неду не хотелось даже думать об этом.

– Здесь, – сказал он королю.

Роберт безмолвно кивнул, преклонил колено и склонил голову.

В этом месте бок о бок располагались три гробницы. Вот длинное суровое лицо лорда Рикарда Старка, отца Неда.

Каменотес хорошо знал своего господина. Он глядел вперед со спокойным достоинством, каменные пальцы сжимали меч, лежащий на его коленях. Но ни один меч не помог ему избежать смерти. В двух меньших гробницах по обе стороны от него лежали его дети.

Брандону было двадцать, когда он был удушен по приказу Безумного короля Эйриса Таргариена за несколько дней до свадьбы с Кэтлин Талли из Риверрана. Отца заставили видеть смерть сына. Брандон был истинным наследником земель – первенцем, рожденным, чтобы править.

Лианне было всего лишь шестнадцать, дитя в облиии женщины исключительной красоты. Нед любил ее всем сердцем. Роберт еще сильнее. Она была его невестой.

– Она была красивее, – сказал король, помолчав. Глаза его задержались на лице Лианны, словно он все еще надеялся вернуть ее к жизни. Наконец грузный король неловко поднялся на ноги. – Проклятье, Нед, неужели надо было хоронить ее в *таком* месте? – Голос его был полон горя. – Она заслуживала большего, чем тьма...

– Она – Старк из Винтерфелла, – отвечал Нед спокойно. – Ее место здесь.

– Лианну можно было положить на вершине холма под плодовое дерево, чтобы она видела солнце и облака, а дождь омывал ее.

– Я был возле сестры, когда она умерла, – напомнил Нед королю. – Она хотела вернуться домой, чтобы покоиться воз-

ле Брандона и отца. — Он, казалось, все еще слышал ее голос. *«Обещай мне, — попросила она его в комнате, пропахшей кровью и розами. — Обещай мне, Нед».*

Лихорадка украла силы, и голос ее был тих, но едва он дал свое слово, страх оставил глаза сестры. Нед вспомнил, как она улыбнулась, как стиснули руку ее пальцы, когда она перестала бороться за жизнь и выпустила из ладони мертвые розовые лепестки. Больше он ничего не помнил. Онемевшего от горя, его нашли держащим в объятиях ее тело. Их руки разнял Хоуленд Рид, из низкорослых болотных жителей.

— Я ношу ей цветы, когда удается, — сказал Нед. — Лианна... любила цветы.

Король прикоснулся к изваянию, пальцы скользнули по грубому камню столь же мягко, как по живой плоти.

— Я поклялся убить Рэйгара за то, что он сделал с ней.

— Ты и убил его, — напомнил ему Нед.

— Но только однажды, — с горечью отвечал Роберт.

Это было так давно. Они сошлись посреди бушевавшей у Трезубца битвы — Роберт при своем боевом молоте, в огромном рогатом шлеме, и облаченный в черные доспехи таргариенский принц. На нагрудной пластине того был вычеканен знак дома — трехголовый дракон, осыпанный рубинами, сверкавшими подобно пламени. Багряные воды Трезубца омывали копыта их боевых коней, они сходились снова и снова, и наконец последний сокрушительный удар молота Роберта разбил и дракона, и грудь под ним. Когда Нед

наконец явился к месту событий, Рэйгар уже лежал мертвым в реке, а воины обеих армий копошились в грязи, разыскивая вылетевшие из доспехов рубины.

– Мне снится, что я убиваю его, каждую ночь, – признался Роберт. – Но и тысячи смертей ему мало, он заслуживает большего.

На это Неду нечего было ответить. Помолчав, он сказал:
– Пора бы возвратиться, ваша светлость, ваша жена ждет.
– Чтоб Иные побрали мою жену, – кисло пробормотал Роберт, но направился назад, тяжело топая в темноте. – И если я еще раз услышу *«ваша светлость»*, то велю насадить твою голову на пику. Мы слишком близки друг другу, чтобы пользоваться подобным титулом.

– Я этого не забыл, – проговорил тихо Нед. Не дождавшись ответа короля, он попросил: – Расскажи мне о Джоне...

Роберт покачал головой:

– Я никогда не видел, чтобы человек заболел так внезапно. Мы устраивали турнир в честь именин моего сына. Если бы ты видел в этот день Джона, то поклялся бы, что ему суждена вечная жизнь. Две недели спустя он был уже мертв. Болезнь опалила его нутро. Она прожгла его насквозь. – Король остановился у колонны возле гробницы одного из давно усопших Старков. – Я любил этого старика.

– Я тоже. – Нед помедлил мгновение. – Кэтлин боится за свою сестру. Как Лиза справляется с горем?

Рот Роберта горько скривился.

– Не слишком-то хорошо, если честно, – признался он. – По-моему, смерть Джона заставила ее свихнуться. Она увезла мальчишку в Орлиное Гнездо. Против моего желания. Я надеялся воспитать его у Тайвина Ланнистера в Утесе Ка-стерли. У Джона нет ни братьев, ни других сыновей. Неужели я могу допустить, чтобы его сына воспитывали женщины?

Нед скорее доверил бы дитя подколотной змеюге, чем лорду Тайвину, однако он оставил свое мнение невысказанным. Иногда старые раны не исцеляются до конца и вновь кровоточат при малейшем упоминании.

– Жена потеряла мужа, – тщательно выбирая слова, проговорил он. – Быть может, мать страшится потерять сына. Мальчик еще очень юн.

– Ему шесть, он хвор и к тому же лорд Орлиного Гнезда, да смиляются над ним боги. – Король помолчал немного и выругался. – Лорд Тайвин никогда не брал себе воспитанников. Лиза должна была чувствовать себя польщенной. Ланнистеры – весьма благородный дом, но она и слушать меня не стала, уехала среди ночи, даже не спросив разрешения. Серсея была в гневе. – Он глубоко вздохнул. – Ты знал, что мальчика назвали в честь меня? Его имя Роберт Аррен. Я поклялся защищать его. А как я могу сделать это, после того как собственная мать похитила Роберта?

– Я могу взять мальчика на воспитание, если ты хочешь, – сказал Нед. – Лиза согласится на это. Они с Кэтлин были в детстве близки, в Винтерфелле будут рады и ей.

– Благородное предложение, друг мой, – сказал король, – но, увы, запоздалое. Лорд Тайвин уже дал согласие. Он оскорбится, если я передам мальчика на воспитание в другое место.

– Меня более заботит благоденствие моего племянника, чем гордость Ланнистеров.

– Это ты говоришь потому, что тебе не приходилось спать с представительницей их рода, – расхохотался Роберт, звук захохотал между гробниц и несколько раз отразился от сводчатого потолка. Вспыхнула улыбка: в чащобе огромной черной бороды блеснули белые зубы. – Ах, Нед, – сказал король. – Ты по-прежнему слишком серьезен. – Он обнял тяжелой рукой Неда за плечи. – Я намеревался поговорить с тобой через несколько дней, но теперь в этом нет нужды. Пойдем!

Они шли между колонн. Слепые каменные глаза, казалось, провожали их. Король не снимал свою руку с плеч Неда.

– Ты, наверное, гадаешь о причине моего визита в Винтерфелл после стольких лет?

У Неда были некоторые подозрения на сей счет, однако он не стал говорить о них.

– Чтобы порадоваться моему обществу, – ответил он непринужденно. – Кроме того, нельзя забывать о Стене. Вам надо бы посмотреть на нее, ваша светлость, пройтись поверху, поговорить с теми, кто защищает ее. Ночной Дозор

стал тенью прежнего своего величия. Бенджен утверждает...

– Вне сомнения, я услышу слова твоего брата из его собственных уст и достаточно скоро, – проговорил Роберт. – Сколько ж простояла Стена... восемь тысячелетий? Продержится еще несколько дней. У меня есть более насущные дела. Наступают трудные времена, мне нужны надежные люди. Люди, подобные Джону Аррену. Он служил мне как лорд Орлиного Гнезда, как Хранитель Востока, как десница короля. Джона трудно заменить.

– Но его сын... – начал Нед.

– Его сын унаследует Орлиное Гнездо со всеми доходами, – отвечал Роберт отрывисто, – и не более.

Ответ застал Неда врасплох. Пораженный, он остановился и повернулся к королю. Слова вылетели сами собой:

– Аррены всегда были Хранителями Востока, титул этот передается вместе с владением.

– Когда Роберт повзрослеет, честь эту можно будет вернуть его роду, – сказал король. – Мне же нужно думать о настоящем и ближайшем будущем. Шестилетний мальчишка не способен возглавить войско.

– В мирные времена титул этот является просто почетным. Пусть мальчик унаследует его хотя бы в честь отца, если не ради него самого. Ты ведь в долгу перед Джоном за его службу.

Король был недоволен ответом. Он снял руку с плеча Неда.

– Джон был обязан служить своему сюзерену. Не считай меня неблагодарным, Нед. Тебе лучше всех известно, что это не так. Но сын – это далеко не отец, мальчику не удержать Восток. – Тут голос его смягчился. – Ну, довольно об этом. У меня есть и более важное дело, и я не стану спорить с тобой. – Роберт взял Неда за локоть. – Ты мне нужен.

– Я всегда к вашим услугам, ваша светлость. Всегда. – Нед должен был сказать эти слова, и он произносил их, с тревогой ожидая того, что последует за ними.

Роберт как будто бы не слышал его.

– Эти годы, которые мы провели в Орлином Гнезде... *боги*, хорошее было время. Я хочу, чтобы ты вновь находился возле меня, Нед. Ты мне нужен в Королевской Гавани, а не здесь, на краю мира, где от тебя нет никакой пользы. – Роберт поглядел во тьму, на мгновение сделавшись по-старковски меланхоличным. – Клянусь тебе, усидеть на троне в тысячу раз труднее, чем завоевать его. Законы – скучное дело, считать медяки еще хуже, но, кроме того, есть еще люди... и им нет конца. Я сижу на этом проклятом кресле, выслушиваю жалобы, пока ум мой не онемееет, а задница не разболится. Всем что-то нужно: деньги, земля или правосудие. Ну а враки, которые они рассказывают... Впрочем, мои лорды и леди ничем не лучше. Я окружен льстецами и глупцами. Нед, это может довести человека до безумия. Одна половина из них не смеет открыть мне истину, другая половина не способна найти ее. Бывают такие ночи, когда я жалею

о том, что мы победили возле Трезубца. Ну не совсем, конечно, но...

– Понимаю, – негромко проговорил Нед.

Роберт поглядел на него.

– Может быть, и в самом деле понимаешь. Но если так, то лишь ты один, мой старый друг. – Он улыбнулся. – Лорд Эддард Старк, я собираюсь назначить тебя десницей короля.

Нед опустился на одно колено. Предложение не удивило его: по какой еще причине мог Роберт заехать в такую даль? После короля десница был самым могущественным человеком в Семи Королевствах. Он мог говорить от лица монарха, командовать его войсками, разрабатывать королевские законы. Десница мог даже сесть на Железный трон, чтобы совершить правосудие, если король был болен, отсутствовал или же не хотел заниматься делами. Роберт предлагал ему ответственность величиной во все королевство.

Самая непривлекательная перспектива.

– Ваша светлость, – отвечал он, – я не достоин этой чести.

Роберт застонал с добродушным нетерпением.

– Если бы я хотел оказать тебе честь, то отправил бы тебя в отставку. А я хочу, чтобы ты правил королевствами, воевал, позволив обжорству, пьянкам и распутству загнать меня в раннюю могилу. – Похлопав по своему чреву, король ухмыльнулся. – А знаешь, как говорят о короле и его деснице?

Пословицу Нед знал.

– Король мечтает – десница претворяет в жизнь, – ото-

звался он.

– Рыбачка, с которой я спал однажды, рассказала мне, как выражает эту мысль простонародье. Король ест, сказала она, а десница подтирает задницу. – Закинув назад голову, Роберт громогласно расхохотался. Эхо со звоном пронзило тьму, окружающие их покойники Винтерфелла, казалось, обратили к ним холодные неодобрительные взгляды. Наконец смех иссяк.

Нед все еще оставался на одном колене, подняв глаза к королю.

– Проклятье, Нед, – пожаловался король. – Мог хотя бы порадовать меня улыбкой.

– Говорят, что здесь зимой бывает так холодно, что смех застывает в горле и душит человека насмерть, – невозмутимым голосом отвечал Нед. – Быть может, поэтому Старки не отличаются весельем.

– Отправляйся на юг вместе со мной, и я научу тебя смеяться, – пообещал король. – Ты помог мне завоевать этот проклятый трон, теперь помоги удержать. Мы должны были править вместе. Если бы Лианна не умерла, мы стали бы братьями, связанными любовью и кровью. Но и теперь еще не поздно. У меня есть сын. У тебя дочь. Мой Джофф и твоя Санса соединят наши дома, как могли бы сделать это мы с Лианной.

А вот это предложение и в самом деле удивило Неда.

– Но ведь Сансе всего лишь одиннадцать.

Роберт нетерпеливо махнул рукой.

— Достаточно, чтобы просватать их. Ну а с браком можно подождать несколько лет. — Король улыбнулся. — А теперь вставай, проклятый, и говори — да.

— Ничто не доставит мне большего удовольствия, ваша светлость, — отвечал Нед, помедлив. — Но все эти почести настолько неожиданны... Можно ли мне подумать какое-то время? Мне надо рассказать жене...

— Да-да, конечно, разумеется. Расскажи Кэтлин, подумай хорошенько. — Король схватил Неда за руку и потянул с колен. — Только не заставляй меня ждать слишком долго. Я не самый терпеливый среди людей.

На миг Эддарда Старка переполнило жуткое предчувствие. *Здесь* было его место, здесь, на Севере. Он поглядел на каменные фигуры, окружавшие его, и глубоко вздохнул. В холодном безмолвии крипты он чувствовал на себе взгляды мертвецов. Они слушали, он знал это. И зима приближалась.

Джон

Не слишком часто, но случалось, что Джон Сноу радовался тому, что родился бастардом. Вновь наполняя свой кубок из шедшего по кругу кувшина, он подумал, что такое мгновение наступило.

Джон занял свое место на скамье между молодыми оруженосцами и выпил. Сладкое летнее вино наполнило его рот вкусом плодов и вернуло улыбку на губы.

Под сводами Большого зала Винтерфелла плавала дымка, пахло жареным мясом и свежесдобитым хлебом. Серые каменные стены были увешаны знаменами: белыми, золотыми, малиновыми. Лютоволк Старков соседствовал с коронованным оленем Баратеонов и львом Ланнистеров. Аккомпанируя себе на высокой арфе, певец выпевал слова баллады, но в этом конце зала его голос был едва слышен за ревом огня, стуком оловянных тарелок и чаш, громким говором сотен подвыпивших глоток.

Шел четвертый час приветственного пира в честь короля. Братья и сестры Джона сидели возле королевских детей рядом с помостом, на котором лорд и леди Старк принимали короля и королеву. Ради подобной оказии лорд-отец, безусловно, разрешит каждому своему отпрыску выпить по бокалу вина, но не более. Здесь же, внизу на скамье, никто не мог помешать Джону выпить столько, сколько требовала

его жажда.

А жажду Джон обнаружил прямо-таки мужскую, к радости юнцов, поощрявших его всякий раз, когда он опустошал очередной кубок. Общество собралось приятное, и Джон наслаждался их рассказами о битвах, любовных похождениях и охоте. Он не сомневался в том, что в этой компании было веселее, чем с королевскими отпрысками. Джон уже удовлетворил свое любопытство в отношении гостей, когда они входили в зал. Процессия двигалась в каком-то футе от места, определенного ему на скамье, и Джон с лихвой на них нагляделся.

Его лорд-отец шествовал первым, сопровождая королеву. Она была красавицей, как и утверждали мужчины. Украшенная драгоценными камнями тиара сверкала на длинных золотых волосах, изумруды подчеркивали зелень глаз. Отец помог ей подняться на ступени, подвел к сиденью, но королева даже не поглядела на него. В свои четырнадцать лет Джон уже смог разобраться в том, что прячет ее улыбка.

Следующим шел король Роберт собственной персоной, об руку с леди Старк. Король весьма разочаровал Джона. Отец часто рассказывал о непревзойденном Роберте Баратеоне, демоне Трезубца, свирепейшем воине края, великане среди князей. Джон же увидел лишь толстяка, краснолицего, заросшего бородой, взмокшего под всеми шелками, и уже навеселе.

За ним шли дети. Первым – маленький Рикон, с тем

достоинством, которое только может изобразить трехлетка. Джону пришлось поторопить его, когда братец остановился рядом. Позади малыша шел Робб в сером шерстяном облачении с белыми полосами по краю. Это были цвета Старков. Он провожал принцессу Мирцеллу, воздушное создание, еще не достигшее восьми лет. Золотые кудри ее ниспадали из-под украшенной драгоценными камнями сеточки. Джон заметил, как застенчиво она поглядывает на Робба, проходя между столов, как смущенно улыбается брату. И решил, что она чересчур проста. А Робб даже не замечал, насколько она глупа. Он все время ухмылялся, как сельский дурень.

Сводные сестры Джона сопровождали кронпринцев. Арья выступала возле пухлого юного Томмена, светлые волосы принца оказались длиннее, чем у нее. Санса, что была старше сестры на два года, шла возле кронпринца Джоффри Баратеона. Двенадцатилетний, он был младше Джона или Робба, но, к огромному разочарованию Джона, оба брата уступали в росте принцу. У Джоффри были такие же волосы, как и у сестры, и зеленые глаза матери. Густые светлые кудри спадали ниже золотой цепи и стоячего бархатного воротника. Санса светилась, шествуя возле него, однако Джону не понравились надменные губы Джоффри и тот скучный разочарованный взгляд, которым он рассматривал Большой зал Винтерфелла.

Но более его интересовала пара, шествовавшая следом:

братья королевы, Ланнистеры с Утеса Кастерли. Лев и Бес, перепутать их было невозможно. Сир Джейме Ланнистер, близнец королевы Серсеи, высокий, золотой, с искрящимися зелеными глазами и улыбкой, резавшей, словно нож. Облаченный в малиновые шелка, черные высокие сапоги и черный атласный плащ. С груди его туники разевал пасть вышитый золотой нитью герб его дома. Джейме называли в лицо Львом Ланнистером, а за спиной шептали – Цареубийца.

Было сложно отвести от него взгляд. *«Вот так и должен выглядеть король»*, – думал Джон, пока тот шел мимо.

Потом он увидел и второго – едва заметный, тот шел вперевалку рядом с братом. Тирион Ланнистер, самый младший из отпрысков лорда Тайвина и, бесспорно, самый уродливый. Тириону не досталось ничего из того, что боги уделили Серсее и Джейме. Карлик, едва ли не по пояс своему брату, он с трудом поспевал за ним на коротких ногах. Голова его была слишком велика для тела, под выпуклым лбом открывалось расплющенное лицо уродца. Из-под прямых волос, светлых настолько, что они казались белыми, глядел зеленый глаз, рядом с ним поблескивал черный. Джон заворуженно посмотрел на Беса.

Закрывая череду знатных лордов, вошли его дядя Бенджен Старк из Ночного Дозора и воспитанник отца, молодой Теон Грейджой. Проходя мимо, Бенджен одарил Джона теплой улыбкой. Теон же как бы не заметил его, но в этом не было ничего необыкновенного. Наконец все уселись, провозгласи-

ли тосты, ответили благодарностями и снова поблагодарили, и пир начался.

Тогда Джон начал пить и с тех пор не останавливался.

Что-то потерлось о его ногу под столом. Джон заметил обращенные к нему красные глаза.

– Опять проголодался? – спросил он. На середине стола еще оставалась половинка цыпленка под медом, Джон потя-

нулся, чтобы оторвать ножку, но придумал кое-что получше. Целиком подцепив птицу ножом, он спустил тушку на пол между своих ног. В дикарском молчании Призрак вцепился в мясо. Братьям и сестрам не разрешили взять своих волков на банкет, но на этой стороне зала псов было больше, чем Джон мог сосчитать, и никто и слова не сказал о его щенке. Он сказал себе, что и в этом ему повезло. Глаза его щипало. Джон яростно потер их, ругая дым. Выпив еще глоток вина, он стал смотреть, как его лютоволк расправляется с цыпленком.

Следуя за служанками, между столами сновали псы. Одна из собак, черная дворовая сучонка с продолговатыми желтыми глазами, унюхала запах цыпленка. Она остановилась и полезла под скамью, чтобы получить свою долю. Джон наблюдал за стычкой. Сука негромко заворчала и подвинулась ближе. Призрак безмолвно посмотрел на собаку красными глазами. Сука гневно зарычала. Она была в три раза больше волчонка, но тот не шевельнулся. Стоя над своей добычей, он ощерился, обнажил клыки. Сука напряглась, вызывая таявкнула, потом передумала, повернулась и исчезла между столов, еще раз таявкнув на прощание, чтобы сохранить достоинство. Призрак принялся за еду.

Джон ухмыльнулся, потянулся под стол, чтобы погладить косматый белый мех. Лютоволк поглядел на него, по-приятельски цапнул за руку и возвратился к еде.

— И это один из лютоволков, о которых я так много слы-

хал? – проговорил рядом знакомый голос.

Джон радостно поглядел на своего дядю Бена, положившего руку на его голову и взъерошившего волосы, как только что Джон ерошил шерсть волка.

– Да, – отвечал он. – Зовут его Призрак.

Один из оруженосцев прервал свою непристойную историю, чтобы расчистить место у стола для брата их лорда. Бенджен Старк уселся на скамью верхом, перекинув через нее длинную ногу, и взял чашу с вином из руки Джона.

– Летнее вино, – сказал он, попробовав. – Какое сладкое. И сколько же чаш тебе уже досталось, Джон?

Тот только улыбнулся.

Бен Старк расхохотался.

– Этого я и опасался. Помнится, я был младше тебя, когда впервые искренне и честно напился. – Он подхватил с ближайшего блюда зажаренную луковицу, источавшую бурый сок, и с хрустом впился в нее зубами.

Лицо дяди напоминало острый горный утес, но в серо-голубых глазах всегда проглядывал смех. Бенджен Старк был одет в черное, как и подобает тому, кто служит в Ночном Дозоре. Сегодня он предпочел богатый черный бархат, высокие кожаные сапоги и широкий пояс с серебряной пряжкой. Тяжелая серебряная цепь лежала на его шее. Доедая луковицу, Бенджен с удивлением посмотрел на Призрака.

– Очень тихий волк, – заметил он.

– Этот не такой, как остальные, – сказал Джон. – Он всегда

молчит, поэтому я и назвал его Призраком. Но еще и потому, что он белый. Все остальные темные: серые или черные.

— Ну, за Стеной лютоволков еще хватает. Мы слышим их вой во время вылазок. — Бенджен пристально поглядел на Джона. — Разве ты обычно ешь не вместе со своими братьями?

— Обычно да, — отвечал Джон тусклым голосом, — но сегодня леди Старк решила, что королевская семья посчитает оскорблением общество бастарда.

— Понимаю. — Взгляд дяди обратился за спину Джона к возвышению в конце зала. — Что-то на лице моего брата сегодня не видно праздничного настроения.

Джон тоже разглядел это. Бастарду приходится все замечать, учиться читать истину, которую люди прячут за своими глазами. Отец держался учтиво, однако в нем чувствовалась напряженность, которой обычно не было. Лорд Старк ел немного и оглядывал зал полуприкрытыми глазами, словно ничего не видя. Король же, сидевший через два места от него, пил и ел вовсю. Широкое лицо его побагровело под черной бородой. Король уже провозгласил достаточное количество тостов, громко смеялся всем шуткам и атаковал каждое блюдо, словно изголодавшийся. Но королева казалась рядом с ним холодной, как ледяная скульптура.

— Королева тоже сердита, — негромко проговорил Джон своему дяде. — Отец вчера вечером водил короля вниз. Королева не хотела этого.

Бенджен посмотрел на Джона долгим взвешивающим взглядом.

– Итак, Джон, ты многое замечаешь? Такому человеку найдется место на Стене.

Джон раздулся от гордости.

– Робб лучше владеет копьем, но я лучше фехтую, а Халлен говорит, что на коне я держусь не хуже любого другого в нашем замке.

– Заметные достижения.

– Возьми меня с собой, когда будешь возвращаться на Стену, – вдруг выпалил Джон. – Отец разрешит мне, если ты попросишь, я знаю это.

Дядя Бен внимательно оглядел его лицо.

– Мальчикам на Стене не место, Джон.

– Но я почти уже вырос, – запротестовал Джон. – В следующие именины мне исполнится пятнадцать, а мэйстер Лювин говорит, что бастарды растут быстрее, чем обычные дети.

– Наверное, – чуть скривился Бенджен. Он взял со стола чашу Джона, наполнил ее из ближайшего кувшина и выпил единым долгим глотком.

– Дэйрену Таргариену было только четырнадцать, когда он покорил Дорн, – напомнил Джон. Юный Дракон был одним из его героев.

– На покорение ушло целое лето, – напомнил ему дядя. – Твой мальчишка-король потерял десять тысяч людей, что-

бы захватить королевство, и еще пятьдесят тысяч, пытаюсь удержать его. Кто-то должен был объяснить ему, что война – это не игра. – Он выпил еще вина. – Кстати, – проговорил он, вытирая рот, – Дэйрену Таргариену было всего лишь семнадцать, когда он погиб. Или ты забыл об этом?

– Я ничего не забываю, – похвастал Джон. Вино наделило его отвагой. Он попытался выпрямиться на скамье, чтобы показаться выше. – Я хочу служить в Ночном Дозоре, дядя.

Он упорно думал об этом по ночам, когда братья уже засыпали. Когда-нибудь Робб унаследует Винтерфелл и как Хранитель Севера возглавит великое войско. Бран и Рикон будут знаменосцами Робба, им суждено править крепостями от лица брата. Сестры Арья и Санса выйдут замуж за наследников других великих домов и отправятся на юг хозяйничать в собственных замках. Но какое место может достаться бастарду?

– Ты не знаешь, чего просишь, Джон. Ночной Дозор – это братство, которому присягают. У нас нет семей. Никто из нас не может родить сына. Долг – вот наша жена. А любовница – честь.

– Честь есть и у бастарда, – проговорил Джон. – Я уже готов принести вашу клятву.

– Ты мальчик, тебе еще четырнадцать, – проговорил Бенджен. – Ты еще не мужчина. Пока ты не познаешь женщину, не поймешь, от чего отказываешься.

– Мне все равно! – с пылом проговорил Джон.

– До тех пор, пока не узнаешь, что это, – сказал Бенджен. –

Знал бы ты, чего тебе будет стоить эта клятва, может, и не торопился бы заплатить цену, сынок.

Джон ощутил, как в нем вспыхнул гнев.

– Я тебе не сынок!

Бенджен Старк поднялся.

– Вот это и жалко. – Он положил ладонь на плечо Джона. – Обратишься ко мне, когда заведешь собственных бастардов, посмотрим, как ты тогда запоешь.

Джон задрожал.

– Я никогда не буду отцом бастарда, – сказал он осторожно. – *Никогда!* – выплюнул он словно яд.

И вдруг понял, что все за столом умолкли и глядят на него. Джон почувствовал, как слезы начинают наполнять глаза. Он поднялся на ноги.

– С вашего позволения, – сказал он, собрав остатки достоинства, и, резко повернувшись, бросился прочь, чтобы вокруг не заметили его слез. Наверное, он выпил больше вина, чем полагал: ноги подвели Джона, он столкнулся со служанкой, опрокинул кувшин вина на пол. Вокруг загремел смех, и Джон ощутил на щеках жаркие слезы. Кто-то попытался поддержать его. Он вырвался из услужливых рук и, полуслепой, бросился к двери.

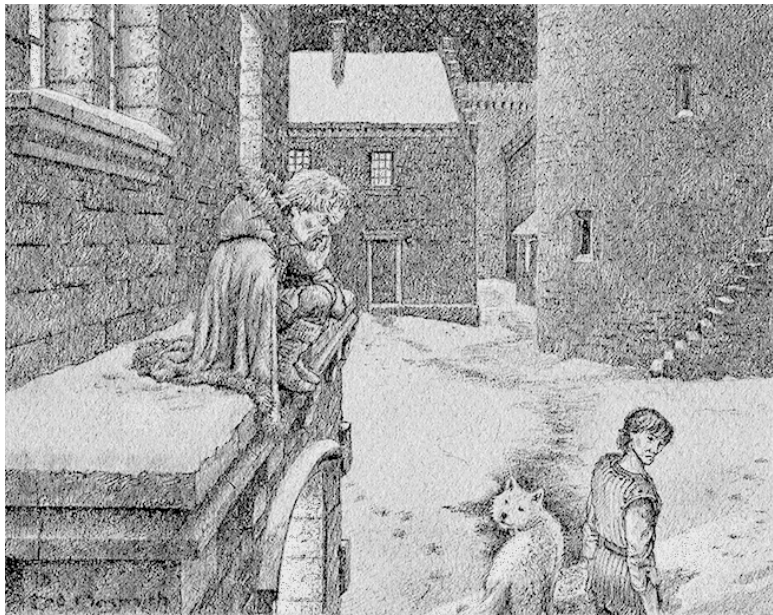
Призрак последовал за ним в ночь.

Во дворе было тихо и пусто. Одиноким часовым застыл высоко на внутренней стене, плотно кутаясь в плащ, закрывавший его от ветра. Скудный и несчастный, он горбился

там в одиночестве, но Джон охотно поменялся бы с ним местами. Но в остальном замок казался темным и брошенным. Джону некогда приходилось видеть заброшенную крепость, мрачное место, где ничто не двигалось, лишь ветер да камни хранили молчание о людях, живших здесь. Этим вечером Винтерфелл напоминал ту крепость.

Звуки музыки и песни сквозь открытые окна тянулись за ним. Но Джону не хотелось веселья. Он стер слезы рукавом рубашки, жалея о том, что пролил их, и собрался уйти.

– Мальчик, – позвал его голос. Джон обернулся. Тирион Ланнистер сидел на карнизе над дверью Большого зала, напоминая горгулью. Карлик ухмыльнулся. – Это животное – волк?

– Лютоволк, – отвечал Джон. – Его зовут Призрак. – Он поглядел на невысокого человека, разом забыв свое разочарование. – А что ты делаешь наверху? Почему ты не присутствуешь на пиру?

– Там слишком жарко, слишком шумно, и я уже выпил слишком много вина, – поведал карлик. – Я уже давно понял, что блевать на собственного брата неучтиво. Скажи, а можно посмотреть поближе на твоего волка?

Поколебавшись, Джон кивнул:

– Ты сумеешь спуститься, или мне принести лестницу?

– О, да провались она, – ответил человечек, отрываясь от карниза. Джон охнул, а потом с уважением проследил, как Тирион Ланнистер свернулся в тугой комок, легко приземлился на руки, потом сделал сальто и встал на ноги. Призрак в нерешительности отскочил в сторону.

Отряхнувшись, карлик рассмеялся:

– По-моему, я испугал твоего волчонка. Прошу прощения.

– Он не испуган, – отвечал Джон и, согнувшись, позвал: – Призрак, иди сюда. Иди сюда. Вот так.

Волчонок подошел ближе, ткнулся носом в лицо Джона, приглядывая осторожным глазом за Тирионом Ланнистером, но когда карлик протянул руку, чтобы погладить его, отодвинулся и с безмолвной угрозой обнажил клыки.

– Робеет, да? – заметил Ланнистер.

– Сидеть, Призрак! – скомандовал Джон. – Вот так. Сиди смирно. – Он поглядел на карлика. – Теперь ты можешь прикоснуться к волку, он не пошевелится, пока я не прикажу ему. Я учу его.

– Понимаю, – проговорил Ланнистер. Погладив белую шерсть между ушами Призрака, он сказал: – Хороший волк.

– Если бы меня не было рядом, он разорвал бы тебе глотку, – сказал Джон. Пока дело обстояло не совсем так, но все еще впереди...

– В таком случае лучше держись поближе, – прогово-

рил карлик. Он нагнул свою слишком крупную голову набок и поглядел на Джона разными глазами. — Я Тирион Ланнистер.

— Я знаю это, — проговорил Джон распрямляясь. Ростом он был выше карлика... странное ощущение.

— А ты — бастард Неда Старка, так?

Джон ощутил, как холод пробежал по нему. Стиснув зубы, он ничего не ответил.

— Я обидел тебя? — спросил Ланнистер. — Прости, карликам не обязательно соблюдать такт. Поколения шутов и дураков дают мне право скверно одеваться и высказывать все, что приходит в голову. — Он ухмыльнулся. — Но ты и есть бастард.

— Лорд Эддард Старк — мой отец, — жестко признался Джон.

Ланнистер поглядел ему в лицо.

— Да, — сказал он, — это видно. В тебе больше севера, чем в твоих братьях.

— Сводных братьях, — поправил Джон. Слова карлика были приятны ему, но он попытался не показать этого.

— Позволь мне дать тебе кое-какой совет, бастард, — сказал Ланнистер. — Никогда не забывай, кто ты такой, ведь мир, конечно, этого не забудет. Сделай происхождение своей силой. Не допускай, чтобы оно превратилось в слабость. Облачись в это, словно в броню, и тогда никто не сможет ранить тебя.

Джону было не до советов.

– Ну что ты знаешь о том, как чувствуют себя бастарды?
– Любой карлик – бастард в глазах собственного отца.
– Но ты законный сын своей матери, истинный Ланнистер.
– Неужели? – с иронией отвечал карлик. – Скажи это моему лорду-отцу. Моя мать умерла, рожая меня, и он никогда не испытывал уверенности в этом.

– А я даже не знаю, кто моя мать, – проговорил Джон.
– Какая-то женщина, вне сомнения. Как и у всех. – Он одарил Джона скорбной улыбкой. – Запомни это, мальчик. Всякого карлика можно считать бастардом, но бастарду не обязательно быть карликом! – Тут он повернулся и направился в замок на пир, насвистывая расхожую мелодию. Когда Тирион открыл дверь, свет бросил длинную тень на двор, и какое-то мгновение Бес Ланнистер казался высоким, словно король.

Кэтлин

В опочивальне Кэтлин было жарче, чем во всех помещениях главной башни Винтерфелла. Ей редко приходилось зажигать здесь очаг. Замок был возведен на естественных горячих источниках, и обжигающая вода бежала внутри стен его покоев, словно кровь в человеческом теле, прогоняя холод из каменных залов, наполняя теплицы влажным теплом, храня землю от замерзания. В дюжине небольших дворишков день и ночь курились открытые пруды. Для лета – немного, для зимы же – грань между жизнью и смертью.

Ванна Кэтлин всегда парила, и стены были теплыми на ощупь; тепло напоминало ей о Риверране, о днях, проведенных под солнцем с Лизой и Эдмуром. Но Нед не переносил жары. Старки созданы для холода, говаривал он ей; на это она обычно со смехом отвечала, что в таком случае они, безусловно, построили свой замок не на том месте.

После того как они закончили, Нед оторвался от нее и выбрался из постели, как делал уже тысячу раз. Он пересек комнату, отодвинул тяжелые занавеси и по одному открыл высокие узкие окна, впуская внутрь ночной воздух. Ветер кружил вокруг него, обратившегося лицом во тьму, – обнаженного и уязвимого. Натянув меха до подбородка, Кэтлин следила за ним. Нед казался ей почему-то меньше и уязвимей, чем обычно – похожим на того юношу, с которым она

обвенчалась в септе Риверрана пятнадцать долгих лет назад. Тело ее все еще ныло после его ретивой любви. Добрая боль. Она ощущала в себе его семя. И помолилась, чтобы оно прижилось. Прошло уже три года после рождения Рикона, а она еще не слишком стара и может родить мужу еще одного сына.

– Я откажу ему, – проговорил Нед, поворачиваясь. В глазах его была тоска, в голосе – сомнение.

Кэтлин села на постели.

– Ты не можешь отказать. И не должен.

– Мои обязанности здесь, на Севере. Я не хочу быть десницей Роберта.

– Он этого не поймет. Теперь он король, а короли не похожи на простых людей. Если ты откажешься служить ему, он станет интересоваться причинами и рано или поздно начнет подозревать, что ты замышляешь что-то против него. Неужели ты не видишь опасности, в которой мы тогда окажемся?

Не желая верить, Нед покачал головой:

– Роберт никогда не станет вредить мне или моей семье. Мы были с ним ближе, чем братья. Он любит меня. Если я откажу ему, он будет реветь, ругаться, но через неделю мы вместе посмеемся над ссорой. Я знаю этого человека!

– Ты *знал* того человека, – проговорила она. – Но король тебе не знаком. – Кэтлин вспомнила мертвую лютоволчицу в снегу, сломанный рог, глубоко застрявший в ее горле. Следует доказать мужу свою правоту. – Гордость – главное

для короля, милорд. Роберт проделал весь этот долгий путь, чтобы оказать тебе великую честь, и ты не можешь отказать ему.

– Честь? – с горечью рассмеялся Нед.

– В его глазах – да, – отвечала она.

– А в твоих?

– И в моих, – вспыхнула она. И как это он не понимает? – Король предлагает женить своего сына на нашей дочери, как иначе назвать это предложение? Когда-нибудь Санса сможет стать королевой. И ее сыновья будут править от Стены и до Дорнийских гор. Что здесь плохого?

– Боже, Кэтлин, Сансе всего лишь *одиннадцать*, – проговорил Нед. – А Джоффри... Джоффри просто...

Она договорила за него:

– ...кронпринц и наследник престола. А мне было всего двенадцать, когда отец обещал меня твоему брату Брандону.

Рот Неда с горечью изогнулся.

– Брандон. Да. Брандон знал бы, как поступить. Он всегда знал, что делать. Все это было предназначено для Брандона. И ты, и Винтерфелл, и всё на свете. Он-то и был рожден, чтобы стать десницей короля и отцом королевы. Я никогда не просил, чтобы эта чаша досталась мне.

– Возможно, – проговорила Кэтлин, – но Брандон мертв, и чаша в твоих руках. Ты должен испить ее, хочешь этого или нет.

Нед отвернулся от нее и уставился в окно. Он смотрел

во тьму, возможно, на луну и на звезды, а может, на часовых на стене. Видя его боль, Кэтлин смягчилась. Как требовал обычай, Эддард Старк женился на ней вместо брата. Но тень мертвого брата по-прежнему разделяла их, как и другая тень, – женщины, имени которой она не знала, женщины, которая родила ему незаконнорожденного сына.

Кэтлин уже собиралась направиться к мужу, когда в дверь постучали, громко и неожиданно. Нед повернулся и нахмурился.

– Что там еще?

За дверью послышался голос Десмонда:

– Милорд, здесь мэйстер Лювин, он просит срочной аудиенции.

– Ты сказал ему, что я велел не тревожить меня?

– Да, милорд. Он настаивает.

– Хорошо. Пусть войдет.

Нед направился к гардеробу и надел тяжелый халат. Кэтлин вдруг поняла, насколько холодно стало вокруг. Она села в постели и натянула меха до подбородка.

– Не закрыть ли окна? – предложила она.

Нед рассеянно кивнул. В дверях показался мэйстер Лювин.

Мэйстер был невысоким серым человеком. Глаза его были серыми и быстрыми и многое замечали. Седыми были его волосы, те, что еще оставили ему годы. Из серой шерсти было его одеяние, отороченное белым мехом, – цвета Старков.

В огромных просторных рукавах были устроены карманы. Лювин всегда все заталкивал в эти рукава, а извлекал из них что-нибудь другое: книги, послания, странные вещи, игрушки для детей. Зная об этих запасах, Кэтлин всегда удивлялась, как мэйстер вообще мог поднимать руки.

Лювин дождался, пока дверь закрылась за ним, и только тогда заговорил:

– Милорд, прошу прощения за то, что потревожил вас, но мне оставили послание.

Нед отвечал не без раздражения:

– *Оставили?* Кто? Разве приехал гонец? Мне ничего не сказали.

– Гонца не было, милорд, но пока я спал, на столе в моей обсерватории кто-то оставил резную деревянную шкатулку. Мои слуги никого не заметили, но вещицу, должно быть, принес кто-то из людей короля. У нас нет никаких других гостей с юга.

– Деревянная шкатулка, ты говоришь? – переспросила Кэтлин.

– Внутри оказалась хорошая новая линза для обсерватории, сделанная, судя по всему, в Мире. Тамошние оптики не имеют себе равных.

Нед нахмурился. Кэтлин знала, что на подобные вещи у него не хватало терпения.

– Линза, – проговорил он. – Какое отношение это имеет ко мне?

– Я задал себе тот же вопрос, – проговорил мэйстер Лювин. – И решил, что в этом ларце скрыто нечто большее.

Кэтлин поежилась под тяжестью мехов.

– Линза – это предмет, помогающий нам видеть.

– Воистину это так. – Мэйстер тербил ожерелье своего ордена – плотно прилежавшую к шее тяжелую цепь, что носил под одеждой, все ее звенья были выкованы из разных

металлов.

Кэтлин вновь ощутила, как ужас зашевелился внутри ее.

– Так что же мы должны видеть более ясно?

– Об этом я спросил себя самого. – Мэйстер Лювин извлек из рукава туго скатанный свиток. – Истинное послание обнаружилось под фальшивым дном, когда я разобрал шкатулку, в которой прибыла линза, но оно предназначено не для моих глаз.

Нед протянул руку:

– Тогда дай письмо мне.

Лювин не пошевелился.

– Прошу прощения, милорд. Письмо направлено не мне и не вам. Оно адресовано леди Кэтлин, и только ей одной. Можно ли мне приблизиться?

Кэтлин кивнула, не полагаясь на слова. Мэйстер положил свиток на стол возле постели. Он был запечатан каплей синего воска. Лювин поклонился и начал отступать.

– Останься, – приказал Нед суровым голосом. Он поглядел на Кэтлин. – Что это такое? Миледи, ты дрожишь.

– Я боюсь, – призналась Кэтлин. Протянув дрожащую руку, она взяла письмо. Меха упали, но женщина и не вспомнила о своей наготе. На синем воске была оттиснута печать дома Арренов – луна и сокол.

– Это от Лизы. – Кэтлин поглядела на мужа. – Письмо не принесет нам радости. Я чувствую в нем горе, Нед. Я ощущаю это.

Нед нахмурился, лицо его потемнело.

– Распечатавай.

Кэтлин сломала печать.

Глаза ее пробежали несколько строк. Буквы не складывались в осмысленные слова. А потом она вспомнила:

– Лиза не рисковала. Девочками мы придумали свой собственный язык.

– А ты можешь прочитать?

– Да, – призналась Кэтлин.

– Тогда говори.

– Быть может, мне лучше уйти? – сказал мэйстер Лювин.

– Нет, – отвечала Кэтлин. – Нам потребуется твой совет. –

Откинув меха, она выбралась из постели. Ночной воздух холодным могильным прикосновением натянул ее кожу, пока она перебежала по комнате. Мэйстер Лювин отвернулся. Даже Неда покорило.

– Что ты делаешь? – спросил он.

– Зажигаю огонь, – ответила ему Кэтлин. Она отыскала халат и, надев его, опустилась на колени перед холодным очагом.

– Но здесь мэйстер Лювин... – начал Нед.

– Мэйстер Лювин принимал все мои роды, – сказала Кэтлин. – Сейчас не время для ложной скромности. – Она положила свиток в очаг и придавила сверху поленьями. Нед подошел к ней и поднял на ноги. Лицо его оказалось буквально в дюйме от ее лица.

– Миледи, скажи мне, что здесь написано?

Кэтлин напряглась.

– Предупреждение, – негромко ответила она, – для тех, у кого хватает ума прислушаться.

Глаза Неда испытующе глядели в ее лицо.

– Продолжай.

– Лиза сообщает, что Джона Аррена убили.

Пальцы мужа напряглись на ее руке.

– Кто?

– Ланнистеры, – сказала Кэтлин. – Королева.

Нед выпустил ее руку. На коже остались темные отметины.

– Боги, – пробормотал он хриплым голосом, – твоя сестра обезумела от горя. Она не знает, что говорит.

– Она знает, – проговорила Кэтлин. – Лиза порывиста, но это послание было тщательно спланировано и умно спрятано. Она знала, что это письмо грозит ей смертью, если попадет не в те руки. Чтобы так рисковать, она должна располагать более чем подозрениями. Теперь у нас действительно нет выхода. Ты *должен* стать десницей Роберта. Тебе придется отправиться на юг и узнать истину.

Кэтлин поглядела на мужа и сразу же поняла, что Нед пришел к противоположному выводу.

– Единственная известная мне правда находится здесь. А Юг – это гадючье гнездо, от которого лучше держаться подальше.

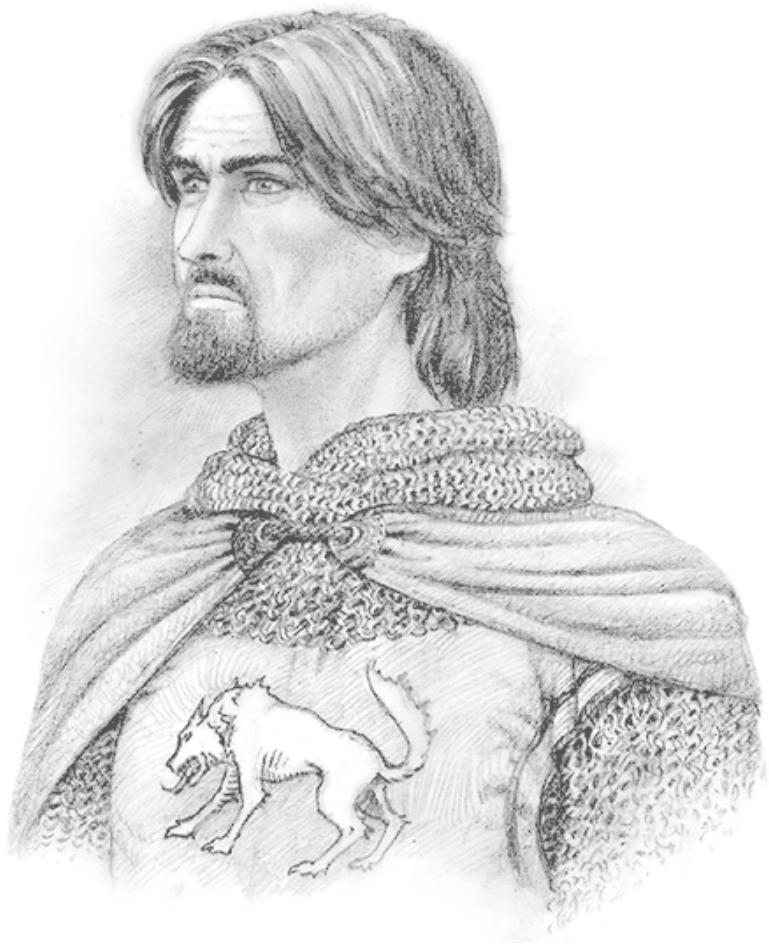
Лювин поправил цепь, натиравшую кожу на горле:

– Десница короля обладает великой властью, милорд. Лорд-десница способен узнать правду о смерти лорда Аррена и предать убийцу королевскому правосудию, способен защитить леди Аррен и ее сына, если верным окажется худшее.

Нед беспомощно оглядел опочивальню. Сердце Кэтлин рвалось к нему, но она понимала, что рано еще обнимать мужа. Сперва нужно добиться победы – ради ее детей.

– Ты говоришь, что любишь Роберта как брата. Неужели ты можешь оставить своего брата в окружении Ланнистеров?

– Чтоб Иные побрали вас обоих, – мрачно буркнул Нед. Он отвернулся от них и подошел к окну. Кэтлин выжидала, молчал и мэйстер. А Эддард Старк молча прощался с любимым домом. Когда он наконец отвернулся от окна и заговорил, голос его был усталым и грустным, в уголках глаз поблескивала влага. – Отец мой однажды отправился на юг, отвечая на призыв короля. Но так и не вернулся домой.

– Другие времена, – ответил мэйстер Лювин, – другой ко-

роль.

– Да, – мрачно отозвался Нед, опускаясь в кресло возле очага. – Кэтлин, тебе придется остаться в Винтерфелле.

Слова эти холодным ветром пронзили ее сердце.

– Нет, – сказала Кэтлин с внезапным испугом. Неужели таким будет ее наказание? Никогда не увидеть его лица, не ощутить прикосновения к телу его рук.

– Да, – отвечал Нед голосом, не допускающим возражений. – Ты будешь править Севером вместо меня, пока я исполняю поручения Роберта. В Винтерфелле всегда должен сидеть Старк. Роббу четырнадцать. Скоро он станет взрослым мужчиной. Ему надо учиться править, а меня рядом не будет. Пусть он участвует в твоих советах. Он должен быть готов, когда придет его время.

– Да будет воля богов, чтобы это случилось не слишком скоро, – проговорил мэйстер Лювин.

– Мэйстер Лювин, я доверяю тебе как родичу. Помогай моей жене советом во всех делах, великих и малых. Научи моего сына тому, что он должен знать. Зима близко.

Мэйстер Лювин серьезно кивнул. Потом наступило молчание, наконец Кэтлин, набравшись отваги, задала вопрос, которого боялась более всего:

– А что будет с остальными детьми?

Нед поднялся и обнял ее, коснувшись щекой щеки.

– Рикон очень мал, – ответил он мягко, – и он останется здесь вместе с тобой и Роббом. Остальных я возьму с собой.

– Я не перенесу разлуки, – сказала Кэтлин дрожа.

– Придется перенести, – отвечал он. – Санса должна выйти за Джоффри. Теперь это ясно; мы не можем предоставить королю повод для сомнений в нашей преданности. К тому же пора и Арье познакомиться с обычаями южного двора, через несколько лет она тоже войдет в брачный возраст.

«Санса будет блистать на Юге, – подумала про себя Кэтлин. – И видят боги, что Арья нуждается в воспитании». Неохотно она отпустила их в своем сердце. Но не Брана. Только не Брана.

– Да, – сказала она, – но пожалуйста, ради нашей любви, пусть Бран останется в Винтерфелле, ему только семь.

– Мне было восемь, когда мой отец послал меня воспитанником в Орлиное Гнездо, – сказал Нед. – Сир Родрик говорит, что Робб и принц Джоффри не ладят. Это плохо. Бран может помочь сгладить сложности... Он обаятельный мальчишка, смешливый и очаровательный. Пусть вырастет вместе с молодыми принцами, подружится с ними, как я с Робертом. Это выгодно нашему дому.

Нед прав, Кэтлин это знала. Но боль от этого не становилась меньше. Она потеряет сразу четверых: Неда, обеих дочерей и милого, любящего Брана; только Робб и маленький Рикон останутся с ней. Ей вдруг сделалось одиноко в таком огромном замке.

– Тогда держи его подальше от стен, – отважно промолвила она. – Знаешь, как Бран любит лазать.

Нед поцелуями снял слезы с ее глаз, прежде чем они успели упасть.

– Спасибо тебе, миледи, – отвечал он. – Я знаю, что тебе тяжело решиться на это.

– А как насчет Джона Сноу, милорд? – спросил мэйстер Лювин.

Кэтлин напряглась, услышав это имя. Нед ощутил в ней гнев и отодвинулся.

Бастарды рождались у многих. Кэтлин с детства знала это. В первый год их брака она без удивления узнала, что у Неда есть сын от какой-то девушки, случайно встреченной в военном походе. В конце концов он – мужчина, а они проводили тот год в разлуке. Нед воевал на юге, она оставалась в безопасном замке своего отца в Риверране. Тогда она думала больше о Роббе, младенце возле ее груди, чем о муже, которого едва успела узнать. Нед имел право на любую утеху, которую мог отыскать среди битв. А раз семя его укоренилось, она полагала, что он должен позаботиться о ребенке.

Но он сделал большее: Старки не были похожи на обычных людей. Нед взял своего бастарда домой и звал его сыном на глазах всего Севера. И когда война наконец окончилась и Кэтлин переехала в Винтерфелл, Джон вместе с его кормилицей уже находился там.

Она восприняла это болезненно. Нед не говорил о матери ребенка ни слова, но в замке не было секретов, и Кэтлин слышала, как служанки повторяют рассказы солдат.

Они шептали о сире Артуре Дейне, Мече Зари, самом искусном воине из семи рыцарей королевской стражи Эйриса, и о том, как их молодой лорд сразил его в поединке. Они рассказывали, как потом Нед повез меч сира Артура к прекрасной и юной сестре сраженного рыцаря, леди Ашаре Дейн, высокой и прекрасной, с незабываемыми фиолетовыми глазами, ожидавшей своей судьбы в замке, именуемом Звездопадом, что стоит на берегах Летнего моря.

Потребовалось две недели, чтобы она набралась храбрости, но наконец однажды ночью Кэтлин спросила своего мужа о ней, спросила прямо в лицо.

В тот единственный раз за все прошедшие годы Нед испугал ее.

– Никогда не спрашивай меня о Джоне, – отвечал он голо- сом холодным как лед. – Он от моей крови, и большего тебе знать не нужно. А теперь я хочу выяснить, где моя госпожа узнала это имя.

Она давала клятву повиноваться, и она все рассказала. С этого дня сплетни прекратились, а имя Ашары Дейн никогда более не упоминалось в Винтерфелле.

Кем бы ни была мать Джона, Нед, наверное, пылко любил ее, потому что никакие уговоры Кэтлин не могли заставить его отослать мальчика. Лишь этого она не могла простить ему. Кэтлин научилась любить мужа всем сердцем, но так и не сумела заставить себя полюбить Джона. Ради любви к Неду она стерпела бы и дюжину бастардов, если бы только

их не было на глазах, но Джон никогда не отлучался из замка, и вырастая, он становился похожим на Неда больше, чем любой из его законных сыновей, что лишь ухудшало положение дел.

– Джон должен уехать, – сказала она.

– Они с Роббом дружат, – проговорил Нед. – Я надеялся...

– Он не может оставаться в Винтерфелле, – обрезала его Кэтлин. – Джон твой сын, а не мой. Я не потерплю его здесь. – Жестокая, но правда. Оставить его в Винтерфелле не будет мальчику во благо.

Нед посмотрел на нее с отчаянием.

– Ты знаешь, я не могу взять его на юг. Для него нет места при дворе. Мальчишка – бастард... ты знаешь, что будут о нем говорить. Он станет изгоем.

Кэтлин решила не уступать мужу, несмотря на его просящий взгляд.

– Говорят, что твой приятель Роберт сам является отцом дюжины бастардов.

– И никого из них не видели при дворе! – вспыхнул Нед. – Ланнистерша позаботилась об этом. Как ты можешь быть настолько жестокой, Кэтлин? Он всего лишь мальчишка. И он...

Ярость накатила на него. Он сказал бы и худшее, но вмешался мэйстер Лювин.

– Возможно другое решение, – проговорил он спокойным голосом. – Несколько дней назад ваш брат Бенджен явился

ко мне с разговором о Джоне. Похоже, мальчика тянет к черным братьям.

Нед казался потрясенным.

– Он захотел вступить в Ночной Дозор?!

Кэтлин промолчала. Пусть Нед все обдумает, сейчас ей лучше ничего не говорить. И все же она охотно бы расцеловала мэистера за идеальное решение. Бенджен Старк принес братскую присягу. Джон будет сыном ему, ребенком, которого у него иначе никогда бы не было. Со временем мальчик и сам даст обет. У него не будет сыновей, которые когда-нибудь смогут оспорить право внуков Кэтлин на Винтерфелл.

Мэйстер Лювин сказал:

– Служить на Стене – великая честь, милорд.

– И даже бастард может высоко подняться в Ночном Дозоре, – заметил Нед. И все же в голосе его слышалась тревога. – Но Джон так молод. Если бы он попросил об этом в более зрелом возрасте, это было бы другое дело, но в четырнадцать лет...

– Суровая жертва, – согласился мэистер Лювин. – Но жестоки и времена, милорд. Его дорога не будет горше пути, что ждет вас и госпожу.

Кэтлин подумала о тех детях, которых ей предстоит потерять. Смолчать было нелегко.

Нед отвернулся от них и поглядел в окно. Он молчал, и его длинное лицо было задумчиво. Наконец он вздохнул и повернулся обратно.

– Очень хорошо, – обратился он к мэйстеру Лювину. – Наверное, так будет лучше. Я переговорю с Беном.

– А когда мы скажем Джону? – спросил мэйстер.

– Когда это потребуется. Пока нужно сделать приготовления. Возможно, пройдет пара недель, прежде чем мы сумеем подготовиться к дороге. Пусть Джон порадуетя этим последним дням. Лето скоро закончится, а с ним и его детство. Когда придет время, я сам скажу ему.

Арья

Стежки под рукой Арьи вновь вышли кривыми.

Бросив на них хмурый и недовольный взгляд, она взглянула туда, где ее сестра Санса сидела среди прочих девочек. Санса великолепно владела иглой. Так говорили все.

– Шитье Сансы столь же красиво, как и она сама, – сказала однажды септа Мордейн их леди-матери. – У нее такие изящные, деликатные руки. – А когда леди Кэтлин спросила об Арье, септа фыркнула: – А у Арьи руки кузнеца.

Арья украдкой оглядела комнату, опасаясь, что септа Мордейн могла прочесть ее мысли, но сегодня септа не обращала на нее внимания. Она сидела возле принцессы Мирцеллы – сама улыбочивость и восхищение. Септам нечасто удается поучить женскому делу принцесс королевской крови, сказала она, когда королева привела к ним Мирцеллу. На взгляд Арьи, стежки принцессы тоже казались чуточку кривоватыми, но по воркованию септы Мордейн этого никак нельзя было определить. Арья вновь оглядела собственную работу, пытаясь найти способ исправить ее, а потом вздохнула, опустила иглу и мрачно уставилась на сестру. Санса весело трещала за работой. Бет Кассель, дочка сира Родрика, сидела возле ее ног, прислушиваясь к каждому слову, Джейн Пул, склонившись, что-то шептала ей на ухо.

– О чем вы говорите? – вдруг спросила Арья.

Джейн удивленно поглядела на нее и хихикнула. Санса смутилась. Бет покраснела. Никто не ответил.

– Скажите же, – проговорила Арья.

Джейн оглянулась, чтобы убедиться в том, что септа Мордейн не слушает. Мирцелла как раз что-то сказала, и септа рассмеялась вместе со всеми остальными дамами.

– Мы говорили о принце, – ответила Санса голосом нежным, как поцелуй.

Арья знала, о каком из принцев шла речь: конечно же, о Джоффри, высоком и красивом. Сансе выпало сидеть рядом с ним на пиру. Арье же пришлось сидеть с маленьким и толстым. Вполне естественно.

– Принцу Джоффри нравится твоя сестра, – прошептала Джейн с гордостью, словно это как-то ее касалось. Она была дочерью стюарда Винтерфелла и самой близкой подругой Сансы. – Он сказал ей, что она прекрасна.

– Он собирается жениться на ней, – мечтательно проговорила кроха Бет, обхватив себя руками. – Тогда Санса станет королевой всей страны.

Санса, к ее чести, покраснела. Краснела она мило. *«Она все делает мило»*, – с тупой обидой подумала Арья.

– Бет, тебе не следует сочинять такие сказки, – поправила Санса младшую, ласково погладив ее по голове, чтобы лишить резкости собственные слова. Она поглядела на Арию. – А что ты думаешь о принце Джоффе, сестра? Он очень галантен, тебе не кажется?

– Джон говорит, что он похож на девочку, – сказала Арья. Санса вздохнула, не прекращая шитья.

– Бедный Джон, – сказала она. – Он завидует потому, что он бастард.

– Он наш брат, – сказала Арья слишком уж громко. Голос

ее прорезал полдневный покой башенной комнаты.

Септа Мордейн подняла глаза. Костлявое лицо, пронизательные глаза и тонкий безгубый рот, как будто созданный для того, чтобы его поджимать. Он был поджат сейчас.

– И о чем же вы разговариваете, детки?

– *Сводный брат*, – поправила сестру Санса, мягко и точно. Улыбнувшись, она обратилась к септе: – Мы с Арьей говорили о том, как нам приятно принимать сегодня принцессу.

Септа Мордейн кивнула:

– Действительно. Это великая честь для всех нас. – Принцесса Мирцелла неуверенно улыбнулась комплименту. – Арья, почему ты не за работой? – спросила септа. Она поднялась и, шелестя накрахмаленными юбками, направилась через всю комнату. – Покажи-ка мне свои стежки.

Арье хотелось закричать. Это так похоже на Сансу: влезть и привлечь внимание септы.

– Вот, – сказала она, подавая свое шитье. Септа осмотрела ткань.

– Арья, Арья, Арья, – произнесла она. – Это не дело. Это совсем не дело.

Все вокруг глядели на нее. Это уж слишком. Санса была слишком хорошо воспитана, чтобы улыбнуться несчастью сестры, но Джейн ухмылялась за нее. Даже принцессе Мирцелле, по-видимому, было жаль ее. Арья почувствовала, как слезы наполняют ее глаза. Выскочив из кресла, она бросилась к двери.

Септа Мордейн позвала ее:

– Арья, вернись! Ты не сделаешь ни одного шага. Твоя леди-мать услышит об этом. К тому же перед лицом нашей наследной принцессы! Ты позоришь всех нас!

Арья остановилась в дверях и обернулась, закусив губу. Слезы теперь бежали по ее щекам. Она умудрилась отвесить короткий неуклюжий поклон Мирцелле:

– С вашего позволения, миледи.

Мирцелла моргнула и поглядела на своих дам, ожидая наставлений. Однако в отличие от принцессы септа Мордейн не испытывала неуверенности.

– И куда же ты направляешься, Арья? – потребовала ответа септа.

Бросив на нее яростный взор, Арья ответила самым любезным тоном:

– Я должна подковать лошадь, – и, недолго насладившись потрясением, проступившим на лице септы, развернулась и бросилась вон, сбежав по ступеням так быстро, как могли нести ее ноги.

Это было нечестно. Сансе досталось все. Санса на два года старше; может, к тому времени, когда родилась Арья, ей ничего уже не осталось. Часто именно так она и думала. Санса умела шить, танцевать и петь. Она писала стихи. Она со вкусом одевалась. Она играла на высокой арфе и колокольчиках. Хуже того, она была прекрасна. Санса унаследовала высокие, тонкие скулы матери и густые, темно-рыжие волосы

Талли. Арья пошла в своего лорда-отца. У нее были тусклые темно-каштановые волосы, а лицо казалось длинным и скорбным. Джейн обзывала ее Арьей-лошадкой и ржала всякий раз, когда проходила мимо. Как ни печально, но лучше сестры Арья умела делать лишь одно – ездить верхом на лошади. Ну, кроме этого, еще хорошо управлялась по дому. Санса никогда не разбиралась в цифрах. Если она выйдет замуж за принца Джоффри, Арья надеялась, что для его же блага тот обзаведется хорошим стюардом.

Нимерия ожидала ее в караулке у подножия лестницы и вскочила на ноги, едва увидев Арию. Девочка ухмыльнулась. Волчонок любит ее, даже если остальные нет. Они повсюду ходили вместе, Нимерия и спала в комнате Арьи – возле постели. Если бы мать этого не запрещала, Арья охотно брала бы волчонка с собой на шитье. Вот пусть тогда септа Мордейн попробует осудить ее стежки.

Нимерия нетерпеливо лизнула руку Арьи, когда та отвязала ее. Желтые глаза волчонка, отражая солнечный свет, блистали двумя золотыми монетами. Арья назвала ее в честь воинственной королевы ройнов, которая некогда провела свой народ через Узкое море. Это имя тут же послужило причиной для большого скандала. Санса, конечно же, назвала своего щенка Леди. Сделав гримасу, Арья обняла волчонка. Нимерия лизнула ее в ухо, и девочка хихикнула.

Септа Мордейн, безусловно, успела все сообщить ее леди-матери. Если она отправится к себе, ее сразу найдут. Арья

не хотела этого. Она придумала кое-что получше. Мальчишки как раз занимались во дворе. Ей хотелось посмотреть, как Робб уложит галантного принца Джоффри на лопатки.

– Пойдем, – шепнула она Нимерии. Вскочив, Арья побежала, волчонок следовал за ней по пятам.

В стене крытого перехода между арсеналом и Большим замком находилось окошко, из которого был виден весь двор. Туда они и направились.

Запахавшаяся и раскрасневшаяся Арья обнаружила там Джона, сидевшего на подоконнике, небрежно подтянув одно колено к подбородку. Он следил за происходящим с таким вниманием, что, казалось, не замечал ее приближения, пока его белый волк не двинулся им навстречу. Нимерия приближалась с опаской. Призрак, который к этому времени стал крупнее своих братьев, обнюхал сестру, легонько тяпнул ее за ухо и вернулся на место.

Джон с любопытством ее оглядел.

– Разве тебе не положено сейчас работать над шитьем, сестренка?

Арья отвечала гримасой:

– Я хотела посмотреть, как они сражаются.

Он улыбнулся:

– Тогда подойди сюда.

Арья взобралась на окно и села возле него, прислушиваясь к стуку и говору во дворе. К ее разочарованию, учили младших ребят. Бран был укутан так, что показался ей завер-

нутым в перину, а уж Томмен, который и без того был пухлым, стал похож на шар. Они пыхтели, сопели и разили друг друга обмотанными тканью деревянными мечами под внимательным взглядом старого сира Родрика Касселя, мастера над оружием, рослого и объемистого, словно бочонок, с великолепными белыми бакенбардами. Дюжина зрителей, мужчины и мальчики, подбадривали сражающихся. Голос Робба был самым громким. Возле старшего брата она заметила Теона Грейджоя, черный дублет воспитанника украшал золотой кракен его дома, на лице проступало выражение пренебрежения. Оба сражавшихся уже спотыкались. Арья решила, что бой длится достаточно давно.

– Более утомительное занятие, чем шитье, – отметил Джон.

– Более веселое занятие, чем шитье, – отвечала ему Арья. Джон с ухмылкой протянул руку и взъерошил ее волосы. Арья покраснела. Они всегда были близки. У Джона лицо отца, как и у нее. Они были единственными: Робб, Санса и даже маленький Рикон пошли в Талли – улыбчивые, с пламенной шевелюрой. Когда Арья была совсем крохой, она боялась, не означает ли это, что она тоже бастард. С опасениями своими она отправилась именно к Джону, и именно он переубедил ее.

– А ты почему не во дворе? – спросила его Арья.

Он отвечал ей полуулыбкой.

– Бастардам не позволено бить юных принцев. Все синя-

ки, которые они получают на тренировочном дворе, должны быть нанесены руками законных сыновей.

– О!.. – Арья смутилась. Ей следовало бы понять это самостоятельно. Второй раз за сегодняшний день Арья решила, что жизнь несправедлива. Она посмотрела, как ее младший брат рубанул Томмена. – А я могу управляться с мечом не хуже Брана. Ему только семь, а мне уже девять.

Джон посмотрел на нее с высоты всей своей четырнадцатилетней мудрости.

– Ты слишком худа, – объявил он и взял сестру за руку, чтобы пощупать мускулы, а потом вздохнул и покачал головой. – Едва ли ты сможешь просто поднять длинный меч, сестренка, не говоря уже о том, чтобы размахнуться им.

Арья вырвалась и яростно поглядела на него. Джон снова взлохматил ее волосы. Бран и Томмен все еще кружили друг против друга.

– Ты видишь принца Джоффри? – спросил Джон.

Она заметила его не с первого взгляда, лишь приглядевшись, – сзади, в тени высокой каменной стены. Принца окружали мужчины, которых Арья не знала, незнакомые ей молодые оруженосцы в ливреях Ланнистеров и Баратеонов. Среди них были мужчины постарше. Она решила, что это рыцари.

– Погляди-ка на герб на его сюрко, – прошептал Джон.

Арья посмотрела. На подбитом сюрко принца был вышит причудливый щит. Тут уж, вне сомнения, шитье было вели-

колепным. Герб разделялся на две половины: на одной – венценосный олень королевского дома, на другой – лев Ланнистеров.

– Ланнистеры горды, – заметил Джон. – Джоффри было бы достаточно и королевского герба, но нет, он решил воздать дому своей матери такие же почести.

– С женщиной тоже надо считаться! – возразила Арья.

Джон усмехнулся:

– Быть может, тебе стоит сделать то же самое, сестренка: объединить Талли и Старков на своем гербе.

– Волк с рыбой в зубах! – Она расхохоталась. – Это было бы глупо. К тому же, если девочка не может сражаться, зачем нужен ей герб?

Джон пожал плечами:

– У девушек есть гербы, но нет мечей. Бастард получает меч, а не герб. Не я устанавливаю правила, сестренка.

Внизу во дворе послышался крик. Принц Томмен катался в пыли, безуспешно пытаясь встать. Из-за всех этих подушек он походил на черепаху, барахтающуюся на спине. Бран стоял над ним с поднятым мечом, готовый рубануть, если поверженный противник снова поднимется на ноги. Мужчины расхохотались.

– Довольно! – проговорил сир Родрик. Он подал принцу руку и поднял его на ноги. – Хорошая схватка. Лью, Доннис, помогите им снять броню. – Он огляделся. – Принц Джоффри, Робб, не желаете сразиться еще раз?

Робб, уже покрывшийся потом в предыдущей схватке, бодро шагнул вперед:

– Охотно!

Отвечая на вызов Родрика, Джоффри вышел на солнечный свет. Волосы его блеснули золотой нитью.

– Это же игра для детей, сир Родрик, – проговорил он со скукой.

Теон Грейджой разразился хохотом.

– Вы и есть дети, – с усмешкой ответил он.

– Робб, возможно, и ребенок, – сказал Джоффри, – но я принц. И мне надоело рубить Старков игрушечным мечом.

– Ты получил больше ударов, чем нанес, Джофф, – возразил ему Робб. – Или ты боишься?

Принц Джоффри поглядел на него и ответил:

– О, я в ужасе. Ты ведь намного старше. – Кое-кто из Ланнистеров расхохотался.

Джон, хмурясь, глядел на эту сцену.

– Джоффри – настоящий маленький говнюк, – сообщил он Арье.

Сир Родрик задумчиво потянул за свои белые бакенбарды.

– Что вы предлагаете? – спросил он у принца.

– Настоящую сталь.

– По рукам, – отвечал Робб, – сам же и пожалеешь.

Мастер над оружием положил руку на плечо Робба, чтобы успокоить его.

– Настоящая сталь слишком опасна. Я разрешаю вам взять турнирные мечи с затупленными краями.

Джоффри не ответил, но незнакомый Арье высокий рыцарь с черными волосами и со шрамами от ожогов на лице пробился вперед и стал перед принцем.

– Это твой принц, и кто ты таков, сир, чтобы указывать ему, может он или нет брать в руки острый меч.

– Мастер над оружием Винтерфелла, Клигейн, и советую тебе не забывать об этом.

– Вы здесь женщин обучаете? – поинтересовался рыцарь с обожженным лицом. Его мышцы вздувались, как у быка.

– Я воспитываю *рыцарей*, – подчеркнул сир Родрик. – Они получают сталь, когда будут готовы к ней... Когда достигнут нужного возраста.

Мужчина с обожженным лицом поглядел на Робба.

– Сколько тебе лет, мальчик?

– Четырнадцать, – отвечал Робб.

– Я убил мужчину в двенадцать лет. И не сомневайся – не тупым мечом.

Арья заметила, как Робб ошетинился, гордость его была задета. Он обернулся к сир Родрику:

– Позвольте мне сделать это. Я смогу победить его.

– Тогда победи его турнирным мечом, – ответил сир Родрик.

Джоффри пожал плечами:

– Встретимся, когда подрастешь, Старк. Но только

не в глубокой старости. — Люди Ланнистеров расхохотались.

Ругательства Робба раздались во дворе. Потрясенная Арья прикрыла рот. Теон Грейджой схватил Робба за руку, чтобы удержать его на месте. Сир Родрик недовольно потянул за свои бакенбарды.

Джоффри изобразил зевок и повернулся к младшему брату.

— Пошли, Томмен, — сказал он. — Время игр закончено. Пусть дети развлекаются.

Ланнистеры снова разразились смехом, Робб опять отвечал бранью. Лицо сира Родрика под белыми бакенбардами уже побурело, как свекла. Теон удерживал Робба железной хваткой, пока принцы и их сопровождающие не отошли подальше.

Джон проводил их взглядом. Арья заметила, что лицо Джона сделалось столь же спокойным, как пруд в середине богороши. Наконец он слез с окна.

— Представление закончено, — проговорил он, нагибаясь, чтобы почесать Призрака за ушами. Волк поднялся и потерся о хозяина боком. — Лучше бы тебе отправиться к себе в комнату, сестренка. Септа Мордейн уже притаилась там, и чем дольше ты будешь прятаться, тем суровее окажется наказание. Тебе придется шить всю зиму. А когда придет весенняя оттепель, найдут твое тело с иглой, все еще сжатой накрепко в твоих замерзших пальцах.

Арья не видела в подобной перспективе ничего забавного.

– Ненавижу шитье! – проговорила она с пылом. – Это нечестно!

– Все нечестно, – ответил Джон, вновь взъерошил ее волосы и отправился прочь. Призрак безмолвно последовал за хозяином. Нимерия тоже было увязалась за ними, но остановилась и вернулась назад, заметив, что Арья остается на месте. Скрепя сердце она повернула в другую сторону. Все оказалось хуже, чем предполагал Джон: в комнате ее поджидала не только септа Мордейн, но и мать.

Бран

Охотники выехали на рассвете. Король хотел затравить дикого вепря для вечернего пира. Принц Джоффри сопровождал отца, поэтому и Роббу позволили присоединиться к охотникам. Дядя Бенджен, Джори, Теон Грейджой, сир Родрик и даже забавный младший брат королевы – все выехали в лес. В конце концов это была последняя охота. Утром они отправятся на юг.

Брана не взяли, как не взяли Джона, девочек и Рикона. Рикон был совсем еще младенцем, девочки всегда оставались только девочками, ну а Джона с его волком нигде не было видно. Впрочем, Бран и не разыскивал его слишком усердно. Он решил, что Джон сердится на него, ведь в эти дни Джон, похоже, сердился на каждого. Бран не знал причины. Джон должен был поехать с дядей Беном на Стену, чтобы вступить в Ночной Дозор. Это было немногим хуже, чем ехать на юг вместе с королем. Они покидали Робба, а не Джона.

Бран никак не мог дождаться отъезда. Ему предстояло ехать по Королевскому тракту на собственном коне – не на пони, на настоящем коне! Потом его отец в Королевской Гавани сделается десницей короля, и они будут жить в том самом Красном замке, который построили повелители драконов. Старая Нэн говорила, что там обитают призраки, есть и темницы, где творились жуткие вещи, а на стенах по-

всюду развешаны драконьи головы. Подумав об этом, Бран поежился, но не от страха. Чего бояться? С ним будет отец и еще король со всеми своими рыцарями и присяжными мечами.

Бран намеревался когда-нибудь сделаться рыцарем, Королевским гвардейцем. Старая Нэн говорила, что лучших мечей не сыщешь по всей стране. Их было всего семеро, они носили белые доспехи, не имели жен и детей, а жили, только чтобы служить королю. Бран знал все рассказы о них. Одни их имена звучали песней. Сервин Зеркальный Щит, сир Райам Редвин, принц Эймон Рыцарь-Дракон, близнецы сир Эррик и сир Аррик, погибшие от мечей друг друга сотни лет назад, когда брат воевал с сестрой в войне, которую певцы называли Танец Драконов. Белый Бык, Герольд Хайтауэр. Сир Артур Дейн, Меч Зари. Барристан Отважный.

Двое гвардейцев сопровождали короля Роберта в поездке на север. Бран смотрел на них как зачарованный и не смел заговорить. Сир Борос был лыс и имел два подбородка, сир Меррин обладал обвисшими веками и ржавой бородой. Более похожий на рыцарей из сказаний сир Джейме Ланнистер тоже был Королевским гвардейцем, но Робб сказал, что он больше не должен таковым считаться, потому что убил старого безумного короля. Самым великим среди живых рыцарей считался сир Барристан Селми – Барристан Отважный, лорд-начальник Королевской гвардии. Отец обещал познакомить Брана с сиром Барристаном, когда они приедут

в Королевскую Гавань, и Бран отмечал на стене оставшиеся до отъезда дни, мечтая повидать мир, о котором он мог только мечтать, и наконец начать жизнь, которой он даже не представлял себе.

И все же, когда наступил последний день, Бран вдруг почувствовал себя потерянным. Он не знал иного дома, кроме Винтерфелла. Отец велел ему сегодня попрощаться со всеми, и Бран попытался это сделать. Когда уехали охотники, он отправился по замку со своим волком, намереваясь посетить тех, кто останется дома: старую Нэн, повара Гейджа, кузнеца Миккена, конюха Ходора, который все время улыбался, заботился о его пони и никогда не говорил другого слова, кроме своего имени, а еще человека из теплиц, который угощал его ежевикой, когда он являлся с визитом...

Но ничего хорошего не получилось. Первым делом Бран пошел в конюшню, где увидел своего пони в стойле, только теперь это был уже не его пони, Бран получил настоящего коня, и с пони нужно было расставаться, и внезапно Брану захотелось сесть где-нибудь и расплакаться. Он повернулся и побежал, прежде чем Ходор и остальные конюхи смогли заметить слезы на его глазах. Тем и закончилось его прощание. Вместо этого Бран провел утро в богороще, пытаясь обучить волка приносить палку, но успеха не достиг. Волчонок был смышленнее любой собаки в своре отца. Бран присягнул бы, что зверь понимал каждое сказанное ему слово, но интереса к палкам при этом не обнаруживал.

Бран все еще обдумывал имя. Робб звал своего волка Серым Ветром, потому что тот быстро бегал, Санса дала своей волчице имя Леди, а Арья выбрала для своей имя королевы-ведьмы, воспетой в старинных песнях. Маленький Рикон называл волка Лохматиком, с точки зрения Брана — довольно глупое имя для лютоволка. Белый волк Джона носил кличку Призрак. Бран пожалел, что не придумал эту кличку первым, хотя его волк и не мог похвастаться белой шкурой. За последние две недели мальчик опробовал сотню имен, но ни одно из них не казалось подходящим.

Наконец Бран устал от игры с палкой и решил полазать. Из-за всего происходящего он уже несколько недель не забирался на разрушенную башню, и сейчас, возможно, был его последний шанс.

Он побежал через богорощу окольным путем, чтобы не проходить мимо водоема, возле которого росло сердце-дерево. Оно всегда пугало Брана: он считал, что у деревьев не должно быть глаз, как не должно быть листьев, напоминающих руки. Волк следовал за ним.

— Ты останешься здесь, — сказал Бран у подножия страж-дерева, росшего возле стены арсенала. — Лежать. Вот так. Теперь *ждать*.

Волк поступил как приказано. Бран поскреб его за ушами, обернулся, подпрыгнул, уцепился за невысокий сук и подтянулся. Он уже поднялся до середины дерева, легко перебираясь с ветки на ветку, когда волк вскочил на ноги и завыл.

Бран поглядел вниз. Волк умолк, глядя на него узкими желтыми глазами. Станный холодок пронзил Брана, но он полез дальше. Волк снова взвыл.

— Тихо, — сказал Бран. — Сидеть. Ты хуже, чем мать. — Волчий вой сопровождал его, пока он лез выше, — до тех пор, пока Бран наконец не перескочил на крышу арсенала и волк не смог более видеть его.

Крыши Винтерфелла были для Брана вторым домом. Мать нередко говорила, что он научился лазать прежде, чем ходить. Сам Бран не помнил, когда научился ходить, но не мог вспомнить и когда начал лазать. Возможно, мать действительно была права. Для мальчика Винтерфелл представлял серый каменный лабиринт: стены, башни, дворы и переходы, разбегавшиеся во все стороны. Покои в старой части замка успели накрениться в разные стороны, так что нельзя было даже сказать, на каком этаже ты находишься. Как верно заметил однажды мэйстер Лювин, замок вырос за века, подобно какому-то чудовищному дереву, и ветви его сделались корявыми и толстыми, а корни углубились в землю.

Когда Бран выбирался из-под него и вскарабкивался наверх, почти к самому небу, он мог охватить взглядом сразу весь Винтерфелл. Ему нравилось, как выглядел замок, распростертый под ним, над его головой кружили только птицы, а крепость внизу жила своей жизнью. Бран мог целые часы проводить между бесформенных, источенных дождями

горгулий, нависавших над Первой твердыней, и наблюдать: за мужчинами, упражняющимися в фехтовании во дворе, за поварами, ухаживающими за овощами в теплицах, за псами, без усталости снующими на псарне, за тишиной богороши, за девушками, сплетничающими возле колодца. Отсюда он казался себе лордом всего замка. Даже Роббу никогда не понять этого.

Так Бран узнал и некоторые секреты Винтерфелла. Оказалось, что строители даже не выровняли землю. За стенами Винтерфелла были свои холмы и равнины. Был здесь крытый мостик, который шел с четвертого этажа колокольной башни на второй этаж птичника. Бран знал об этом. Еще он знал, что сумеет попасть во внутреннюю стену через южные ворота, подняться на три этажа и обежать весь Винтерфелл по узкому каменному туннелю, а потом выйти на уровне земли к северным воротам под сотнею футов стены, высящейся над головой. Даже мэйстер Лювин этого не знал, Бран был в этом уверен.

Мать все боялась, что однажды Бран сорвется со стены и убьется. Он уверял ее, что этого не случится, но она не верила ему. Однажды она заставила его обещать, что он всегда будет оставаться на земле. Бран сумел выдержать обещание почти две недели, день ото дня ощущая себя все более несчастным, и наконец удрал прямо из окна детской, пока братья крепко спали.

В порыве раскаяния он исповедовался в преступлении

на следующий день. Лорд Эддард отправил его в богорошу, чтобы очиститься. И расставил стражу, которая должна была приглядеть, чтобы сын его провел в лесу целую ночь, обдумывая свое неповиновение. Наутро Брана нашли не сразу; наконец он обнаружился спящим в ветвях самого высокого дерева роши.

При всем гневe отцу оставалось только расхохотаться.

– Ты не мой сын, – сказал он Брану, когда его доставили вниз, – ты какая-то белка. Лазай, если не можешь не лазать. Только пусть мать этого не видит.

Бран старался изо всех сил, хотя и понимал, что ему вряд ли хоть раз удалось ее провести. Поскольку отец больше не запрещал этого, мать обратилась за помощью к другим. Старая Нэн рассказала ему сказку о скверном маленьком мальчике, который забрался слишком высоко и был поражен молнией, а потом воробьи выклевали ему глаза. На Брана это не произвело впечатления. Он видел много вороньих гнезд на вершине разрушенной башни, куда, кроме него, не поднимался никто, а иногда наполнял свои карманы зерном, так что воробьи клевали у него прямо из рук. И никто из них ни разу не обнаружил никакого желания выклевать у него хотя бы один глаз.

Потом мэйстер Лювин вылепил из глины фигурку мальчика, одел куклу в одежду Брана и сбросил со стены во двор, чтобы показать, что останется от Брана, если он упадет. Зрелище было забавным, но Бран только посмотрел на мэйстера

и сказал:

– Но я не сделан из глины и к тому же никогда не падаю.

Некоторое время, заметив его на крыше, стража гонялась за ним, пытаясь поймать. Это была самая веселая пора. Все равно что играть с братьями, но здесь Бран побеждал всегда. Никто из стражников не умел лазать, как Бран, даже Джори. А в основном его вообще не замечали. Люди никогда не смотрят вверх. Он любил крыши еще и по этой причине. Там, наверху, он становился как бы невидимым.

Ему нравилось и просто перебираться с камня на камень, впиваясь пальцами рук и ног в узкие щели. Он всегда снимал ботинки и лез вверх босым. И тогда ему казалось, что у него четыре руки вместо двух. Бран любил глубокую приятную боль, которая потом ощущалась в мышцах. Он любил сам воздух наверху – сладкий и холодный, как зимний персик. Любил птиц: ворон в разрушенной башне, крохотных воробьев, гнездившихся в трещинах между камнями, древнюю сову, которая спала в пыльной расщелине на вершине старого арсенала. Бран знал их всех.

Но больше всего он любил посещать места, где никто не мог бывать, и видеть расстилающийся внизу серый Винтерфелл, каким его не видел никто. Так целый замок сделался секретным уголком Брана.

Любимым местом своим он считал разрушенную башню. Некогда она была сторожевой, самой высокой в Винтерфелле. Давным-давно, за сотню лет до рождения отца, удар

молнии воспламенил ее. Верхняя треть башни провалилась внутрь, и ее так и не восстановили. Иногда отец посылал крысоловов к основанию башни, чтобы убрать гнезда, которые всегда обнаруживались среди обуглившихся и сгнивших брусьев и битых камней. Но кроме Брана и ворон, никто не поднимался к изломанной вершине сооружения. Он знал два способа забраться туда. Можно было лезть по стене башни, но камни в ней вихлялись, потому что связка, некогда удерживавшая их, давно рассыпалась песком. Бран не любил опираться о них. Более удобный путь вел от богорощи: надо было подняться по высокому страж-дереву и перебраться через арсенал и зал караульной башни, перепрыгивая с крыши на крышу босыми ногами, так, чтобы стражники не услышали. Тогда он оказывался со слепой стороны Первой твердыни, стариннейшей части замка, круглой крепости, более высокой, чем она казалась. Лишь крысы да пауки жили там, но по старым камням было удобно лезть. Дальше можно было подняться наверх, к слепо глядящим в пустоту горгульям, перебраться от фигуры к фигуре на северную сторону, а оттуда, если как следует потянуться, можно было перелезть на разрушенную башню. Последний отрезок, не более десяти футов, приходилось карабкаться к вершине по почерневшим камням. Тут-то к нему прилетали воробы посмотреть, не принес ли он зерна.

Бран передвигался от горгульи к горгулье с легкостью, приобретенной опытом, когда услышал голоса. Он испугался

настолько, что едва не сорвался: в Первой твердыне никогда не обнаруживалось признаков жизни.

– Не нравится мне это, – проговорила женщина. Под Браном был рядок окон, голос доносился из последнего. – Десницей бы следовало стать тебе.

– Боги милосердные, – отвечал ленивый мужской голос. – Этой чести я не добиваюсь. Она требует слишком больших усилий.

Бран застыл, прислушиваясь, с внезапным испугом. Если он попытается двинуться, они могут заметить его ноги.

– Разве ты не видишь грозящей нам опасности? – сказала женщина. – Роберт любит его как собственного брата.

– Роберт с трудом переваривает общество собственных братьев. Я не виню его. Одного Станниса довольно, чтобы вызвать несварение желудка.

– Не валяй дурака! Одно дело – Станнис и Ренли, другое дело – Эддард Старк. Роберт прислушивается к Старку. Будь прокляты они оба! Мне следовало *настоять*, чтобы он выбрал тебя, но я не сомневалась в том, что Старк откажется.

– Следует считать, что нам повезло, – проговорил мужчина, – король вполне мог назначить одного из своих братьев или даже Мизинца, спаси нас боги. Дай мне врагов честных, а не честолюбивых, и ночью я усну спокойно.

Они говорят об отце, понял Бран. И захотел услышать больше. Еще несколько футов... но что, если они заметят его за окном?

– Нам придется приглядывать за ним повнимательнее, – проговорила женщина.

– Я лучше понаблюдаю за тобой, – отвечал мужчина со скукой. – Иди-ка сюда.

– Лорд Эддард никогда не обнаруживал никакого интереса к тому, что творится к югу от Перешейка, – сказала женщина. – Нет, говорю тебе, он захочет предпринять меры против нас. Зачем еще ему покидать его седалище власти?

– По сотне причин... по обязанности или по долгу чести. Может быть, он стремится вписать свое имя крупными буквами в книгу истории, может быть, хочет оставить свою жёну или сделать и то и другое. Быть может, решил просто погреться – впервые в своей жизни.

– Он женат на сестре леди Аррен. Просто чудо, что Лизы нет здесь и она не встретила нас своими обвинениями.

Бран поглядел вниз. Под окном был узкий карниз, лишь несколько дюймов шириной. Он попытался стать на него. Слишком далеко. Ему не дотянуться.

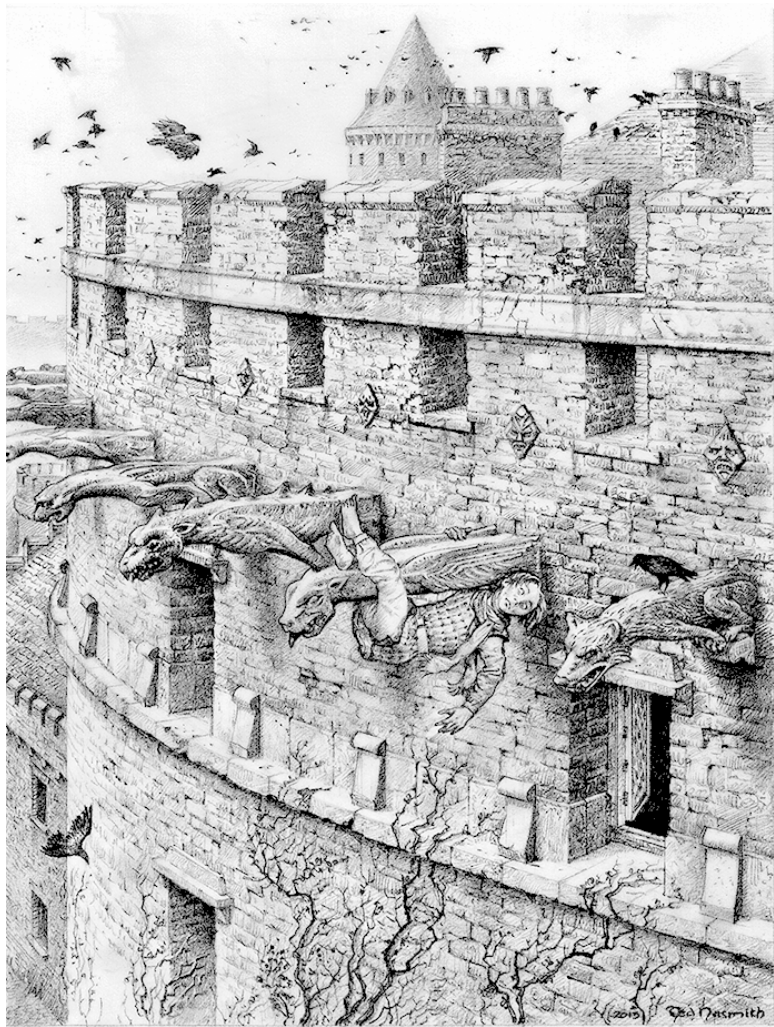
– Ты слишком много беспокоишься. Лиза Аррен просто перепуганная корова.

– Эта перепуганная корова делила постель с Джоном Арреном.

– Если бы она что-то знала наверняка, то бросилась бы к Роберту, а не бежала из Королевской Гавани.

– Когда он уже согласился отдать ее слабака воспитанником в Утес Кастерли? Не думаю. Она понимала, что жизнь

мальчишки послужит залогом ее молчания. Теперь же, когда он находится в безопасности в Орлином Гнезде, Лиза может и осмелеть.

– Ох, эти матери! – Слово это в устах мужчины прозвучало ругательством. – По-моему, роды что-то делают с женским рассудком. Вы все безумны. – Он с горечью расхохотался. – Пусть леди Аррен набирается отваги. Что бы она ни знала, что бы она ни думала, что знает, доказательств у нее нет. – Он помедлил мгновение. – Или есть?

– Ты думаешь, что король потребует доказательств? – спросила женщина. – Говорю тебе, он не любит меня.

– И кто же виноват в этом, милая сестрица?

Бран посмотрел на карниз. Можно соскочить вниз. Было слишком узко, чтобы приземлиться, но пролетая, он сумеет ухватиться за камни и подтянуться, однако при этом поднимется шум и они подойдут к окну. Не понимая услышанного, он знал, что разговор не предназначен для его ушей.

– Ты слеп, словно Роберт, – сказала женщина.

– Если ты хочешь сказать, что вижу то же самое, тогда согласен, – ответил мужчина. – Я вижу мужа, который скорее умрет, чем предаст своего короля.

– Он уже предал одного, или ты забыл? – отвечала женщина. – О, я не отрицаю, что он верен Роберту, это очевидно. Только вот что будет, когда Роберт умрет и Джофф займет престол? А ведь чем скорее это случится, тем в большей безопасности мы окажемся. Мой муж с каждым днем становится все беспокойнее, а когда Старк окажется возле него, он сделается только хуже. Подумать только, он все еще лю-

бит его сестрицу, эту маленькую мертвую шестнадцатилетнюю девчонку. Того и гляди бросит меня ради какой-нибудь новой Лианны.

Бран внезапно перепугался. Теперь он хотел одного – вернуться домой и отыскать своих братьев. Но только что сказать им? Нет, надо приблизиться, решил Бран. Посмотреть, кто говорит.

Мужчина вздохнул.

– Надо меньше думать о будущих неприятностях и больше о сиюминутных удовольствиях.

– Прекрати! – проговорила женщина. Бран услышал внезапный шлепок по голому телу, потом мужчина расхохотался. Бран подтянулся, перебрался через горгулью и вылез на крышу. Это было нетрудно. Он пролез по крыше к следующей горгулье, располагавшейся как раз над окном той комнаты, откуда слышались голоса.

– Этот разговор уже надоедает мне, сестрица, – проговорил мужчина. – Иди сюда и помолчи.

Бран сел верхом на горгулью, обхватил ее ногами и перевернулся вниз головой. Повиснув на ногах, он стал медленно тянуть голову к окну. Мир казался перевернутым, перед глазами проплыл двор в головокружительном повороте, камни его увлажнял талый снег. Бран заглянул в окно. Внутри комнаты боролись мужчина и женщина, оба они были нагими. Бран не различал, кто это. Мужчина находился спиной к нему, и тело его закрывало женщину, которую он прижи-

мал к стене. Раздались мягкие влажные звуки. Бран понял, что они целуются. Он смотрел круглыми глазами, в испуге дыхание застыло в его горле. Мужчина запустил руку между ног женщины и, должно быть, сделал ей больно, потому что женщина застонала низким горловым голосом.

– Перестань, – сказала она, – перестань, ну *пожалуйста*... – Но голос ее был низок и слаб, и она не отталкивала его. Руки ее утонули в его волосах, в золотой включенной гриве, и притянули его лицо к ее груди. Тут Бран увидел лицо... закрытые глаза, раскрывшийся рот. Золотые волосы метались с боку на бок, голова раскачивалась взад и вперед, но он узнал королеву.

Должно быть, он издал какой-то звук; глаза вдруг открылись, женщина поглядела прямо на него и закричала.

Тогда все и случилось. Женщина с криком оттолкнула мужчину и показала рукой на окно. Бран попытался подтянуться, перегибаясь к горгулье, но чересчур поспешил. Рука его беспомощно коснулась гладкого камня, в панике ноги соскользнули, и он вдруг почувствовал, что летит. Мгновенное головокружение, тошнота, когда мимо промелькнуло окно... Бран протянул руку, ухватился за карниз, выпустил его, ухватил другой рукой, тяжело ударившись о камень. Столкновение выбило из него дух. Тяжело дыша, Бран качался на одной руке. Вверху над ним появились лица. Королева. Теперь Бран узнал и мужчину; они казались отражениями в зеркале.

– Он *видел* нас, – пронзительным голосом сказала женщина.

– Видел, – подтвердил мужчина.

Пальцы Брана начали разгибаться. Он ухватился за карниз другой рукой. Ногти впивались в неподатливый камень. Мужчина перегнулся вниз и сказал:

– Держи мою руку, а то упадешь!

Бран уцепился за руку со всей своей силой. Мужчина легко поднял его на карниз.

– Что ты делаешь? – спросила женщина. Мужчина не обратил внимания на ее слова. Он был очень силен. Поставив Брана на подоконник, он спросил:

– Сколько тебе лет, мальчик?

– Семь, – проговорил Бран, дрожа от облегчения. Пальцы его впились в руку женщины. Осознав это, он робко выпустил ее. Мужчина поглядел на женщину.

– Чего не сделаешь ради любви, – сказал он с отвращением и толкнул. Бран с криком вылетел из окна в пустой воздух. Уцепиться было не за что. Мощный двор ринулся навстречу. Где-то вдали взвыл волк. Воробьи кружили над разрушенной башней, ожидая зерна.

Тирион

Где-то в каменных лабиринтах Винтерфелла завыл волк. Звук повис над замком траурным флагом.

Тирион Ланнистер оторвался от книг и поежился, хотя в библиотеке было тепло и уютно. Что-то в вое этого волка заставляет человека забыть уютное настоящее и почувствовать себя спасающимся от стаи обнаженным беглецом.

Когда лютоволк взвыл снова, Тирион захлопнул тяжелый, переплетенный в кожу трактат столетней давности о смене времен года, написанный давно почившим мэйстером, и прикрыл зевок тыльной стороной ладони. Лампа мерцала, масла в ней почти не осталось, и рассвет уже сочился сквозь высокие окна. Он просидел здесь всю ночь, но в этом не было ничего необычного. Тирион Ланнистер был не из тех, кто любил поспать.

Онемевшие ноги заныли, когда он поднялся со скамьи. Растерев их, Тирион вернул в них какую-то жизнь и тяжело прохромал к столу, где негромко похрапывал септон, опустивший голову на открытую книгу. Тирион поглядел на заглавие: «Жизнь великого мэйстера Эйтельмура». Не удивительно, что он заснул.

– Шайл, – сказал он негромко. Сбитый с толку молодой человек, моргая, поднял голову, хрустальный знак его ордена раскачивался на цепочке. – Я намереваюсь позавтракать.

Верни книги на полки. И будь аккуратен с валирийскими свитками, пергамент очень хрупок. «Орудия войны» Эрмидона – очень редкая вещь, а ваш экземпляр единственный, который мне приходилось когда-нибудь видеть. – Шайл глядел на него в полусне, Тирион терпеливо повторил наставления, а потом хлопнул септона по плечу и оставил его выполнять поручение.

Оказавшись снаружи, Тирион вдохнул полной грудью холодный утренний воздух и начал старательно спускаться по каменным ступенькам, винтом огибавшим снаружи Библиотечную башню. Предприятие вышло долгим: узкие ступени были крутыми для его коротких и кривых ног. Встающее солнце еще не озарило стены Винтерфелла, но люди уже были заняты во дворе внизу. До ушей Тириона донесся скрипучий голос Сандора Клигейна:

– Мальчик давно умирает. Лучше, чтобы он поторопился.

Тирион поглядел вниз и увидел Пса, стоявшего возле окруженного оруженосцами молодого Джоффри.

– Во всяком случае, он умирает тихо, – отвечал принц. – Воеет лишь волк. Я едва мог спать прошлой ночью.

Тень Клигейна далеко протянулась по утопанной земле, когда его оруженосец надвинул черный шлем ему на голову.

– Могу заткнуть пасть твари, если это порадует тебя, – сказал он сквозь открытое забрало. Оруженосец подал ему длинный меч. Клигейн взвесил его, рубанул холодный утренний воздух. Позади него двор отозвался звоном стали

о сталь.

Предложение как будто бы восхитило принца.

– Послать Пса убить пса! Винтерфелл просто кишит волками! Старки не хватятся, если одного из них не станет.

Тирион прыгнул с последней ступени во двор.

– Осмелюсь не согласиться, племянник, – проговорил он. – Старки умеют считать после шести, в отличие от некоторых известных мне принцев.

У Джоффри хватило совести покраснеть.

– Голос из ниоткуда, – сказал Сандор и огляделся сквозь прорезь забрала. – Духи воздуха!

Принц расхохотался, как бывало всегда, когда его телохранитель разыгрывал очередной фарс. Тирион привык к этому.

– Ну-ка, посмотри сюда.

Сандор поглядел на землю и сделал вид, что заметил его.

– Маленький лорд Тирион, – проговорил он. – Прошу прощения, я вас здесь и не заметил.

– Сегодня у меня нет настроения терпеть твою наглость. – Тирион повернулся к племяннику. – Джоффри, ты давно должен был зайти к лорду Эддарду и леди Кэтлин, чтобы выразить им свои соболезнования.

Джоффри возмущился так, как может сделать только избалованный мальчишка.

– Еще не хватало! Чем им помогут мои соболезнования?

– Ничем, – отвечал Тирион, – однако их от тебя ждут. Твое

отсутствие замечено.

– Мальчишка Старков мне безразличен, – проговорил Джоффри. – А я не могу терпеть женских слез.

Тирион Ланнистер привстал на носки и с силой ударил племянника по лицу. Щека мальчика покраснела.

– Одно только слово, – проговорил Тирион, – и я ударю тебя еще раз.

– Я все скажу матери! – воскликнул Джоффри.

Тирион ударил снова, теперь покраснели обе щеки.

– Рассказывай своей матери, – велел ему Тирион. – Но сперва ты сходишь к лорду и леди Старк, упадешь перед ними на колени и скажешь, насколько тебе жаль мальчика, скажешь, что готов предложить любые услуги, если можно помочь им даже какой-нибудь мелочью в этот жуткий час. И что ты непрестанно молишься за них. Ну, теперь понял? *Понял?*

Лицо мальчишки скривилось, словно бы он намеревался заплакать. Ответив легким кивком, Джоффри повернулся и бросился вон со двора, держась за щеку. Тирион поглядел ему вслед.

Тень упала на лицо Тириона. Он повернулся и обнаружил, что Клигейн нависает над ним подобно утесу. Черная как сажа броня, казалось, погасила солнце. Клигейн опустил забрало, шлем его изображал морду ощерившегося и страшного черного пса, хотя Тирион всегда находил в нем приятные отличия от изуродованного ожогом лица Клигейна.

– Принц запомнит оскорбления, маленький лорд, – предостерег его Пес. Шлем превратил его хохоток в гулкий рокот.

– Надеюсь, что запомнит, – отвечал Тирион Ланнистер. – А если забудет, будь хорошей собакой, напомни ему. – Он оглядел двор. – А не знаешь ли ты, где я могу отыскать своего брата?

– Он завтракает с королевой.

– Ага, – отвечал Тирион. И, небрежно кивнув Сандору Клигейну, направился прочь со всей быстротой, на которую были способны его короткие ноги, насвистывая на ходу. Жаль только рыцаря, который первым попадется сегодня Псу в тренировочном бою. У этого типа вспыльчивый нрав.

Холодную безрадостную трапезу подали в утренней комнате гостевого дома. Джейме сидел за столом вместе с Серсеей и детьми, они разговаривали приглушенными голосами.

– Роберт все еще спит? – спросил Тирион, без приглашения усаживаясь за стол.

Сестра поглядела на него с тем же самым выражением легкой неприязни, с которым смотрела на него со дня рождения.

– Король не спал вообще, – сказала она ему. – Он рядом с лордом Эддардом. Король принял скорбь друга к самому сердцу.

– У нашего Роберта большое сердце, – проговорил Джейме с ленивой улыбкой. Он достаивал серьезного отношения весьма немного. Тирион знал за своим братом эту особенность и прощал ее. Во все жуткие и такие долгие годы его

детства лишь Джейме иногда выказывал уродцу-брату некоторую симпатию и уважение, и за это Тирион готов был простить ему едва ли не любой поступок.

Приблизился слуга.

– Хлеба, – сказал ему Тирион, – две маленькие рыбки и кружку доброго темного пива, чтобы утопить их. И немного бекона, зажарь его хорошенько. – Слуга поклонился и направился прочь. Тирион повернулся к своим родственникам. Разнополые близнецы сегодня казались особенно похожими. Оба предпочли темно-зеленую одежду, подчеркивающую цвет глаз. У обоих красиво ниспадающие длинные светлые кудри и золотые украшения – на запястьях, пальцах и шее.

Тирион задумался, каково бы было иметь близнеца, и решил, что лучше не знать. Видеть себя самого каждый день в зеркале и то было плохо. О том, чтобы иметь второго себя, думать было слишком страшно.

Принц Томмен спросил:

– Дядя, а что слышно о Бране?

– Я заходил вчера вечером в его комнату, – ответил Тирион, – но перемен не было. Мэйстер видит в этом хороший знак.

– Я не хочу, чтобы Брандон умер, – робко проговорил Томмен. Это был ласковый мальчик, непохожий на брата, но ведь и Джейме с Тирионом нельзя считать фасолинами из одного стручка.

– У лорда Эддарда был брат по имени Брандон, – заметил Джейме. – Один из заложников, убитых Таргариеном. Несчастливое имя.

– По-моему, не столь несчастливое, как тебе кажется, – возразил Тирион. Слуга принес ему блюдо, Тирион откусил от ломтя черного хлеба. Серсея тревожно посмотрела на него.

– Тирион, что ты хочешь сказать?

Карлик криво улыбнулся ей и приложился к пиву.

– Лишь то, что желание Томмена может исполниться. Мэйстер надеется, что мальчик выживет.

Мирцелла радостно охнула, Томмен нервно улыбнулся, но Тирион следил не за детьми. Джейме и Серсея обменялись коротким, не более чем в секунду взглядом, но карлик не пропустил его. Королева посмотрела на стол.

– Где милосердие? Здешние северные боги слишком жестоки, раз позволяют ребенку терпеть такие муки.

– А что именно говорит мэйстер? – спросил Джейме.

Обжаренный бекон хрустел под зубами Тириона. Задумчиво пожевав, он ответил:

– Мэйстер полагает, что, если бы мальчику суждено было умереть, жизнь уже оставила бы его. Однако прошло четыре дня, и никаких перемен нет.

– А Бран поправится, дядя? – спросила маленькая Мирцелла, унаследовавшая от матери всю ее красоту, но не нрав.

– Малышка, он сломал спину, – сказал Тирион, – и ноги.

Жизнь в нем поддерживают медом и водой, иначе он умер бы от истощения. Если он очнется, то, наверное, сумеет есть настоящую пищу, но никогда больше не будет ходить.

– Если он очнется... – повторила Серсея. – А это возможно?

– Правду знают только боги, – ответил Тирион. – Сам мэйстер всего лишь надеется. – Он снова откусил от ломтя хлеба. – Могу поклясться, что жизнь в мальчике поддерживает только его волк. Зверь день и ночь воет под его окном и всякий раз возвращается, когда его прогоняют. Мэйстер сказал, что однажды он закрыл окно, чтобы стало потише, и Бран ослабел. А когда совсем открыл его, сердце мальчика забилось сильнее.

Королева поежилась и сказала:

– Есть что-то противоестественное в этих животных. Они опасны. И я не позволю ни одному из них направиться на юг вместе с нами.

Джейме возразил:

– Этого будет трудно добиться, сестра. Волки повсюду следуют за девочками.

Тирион приступил к рыбе.

– Значит, вы скоро уезжаете?

– Недостаточно скоро, – опять вступила в разговор Серсея. И нахмурилась. – Что значит – *мы*? А как насчет тебя? Боги, только не говори мне, что намереваешься остаться здесь.

Карлик пожал плечами:

– Бенджен Старк возвращается в Ночной Дозор с бастардом своего брата. Я хочу поехать вместе с ними и увидеть Стену, о которой мы так много слышали.

Джейме улыбнулся:

– Надеюсь, ты не собрался надеть черное, милый брат?

Тирион расхохотался:

– Разве я выдержу целибат? Тогда разорятся все шлюхи от Дорна до Утеса Кастерли. Нет, я только хочу постоять на вершине Стены и пустить струю с края мира.

Серсея резко поднялась.

– Детям незачем выслушивать всякую грязь. Томмен, Мирцелла, идемте! – Резкими шагами королева вышла из комнаты, подол ее платья и дети потянулись за ней.

Джейме Ланнистер задумчиво поглядел на брата холодными зелеными глазами.

– Старк никогда не согласится оставить Винтерфелл, пока сын его пребывает в тени смерти.

– Если прикажет Роберт, он сделает это, – сказал Тирион. – А Роберт *прикажет*. В любом случае лорд Эддард ничем не сможет помочь своему сыну.

– Старк может прекратить его мучения, – сказал Джейме. – Случись это с моим сыном, я поступил бы именно так. И считал бы, что совершил благодеяние.

– Не советую обращаться с подобным предложением к лорду Эддарду, милый брат, – усмехнулся Тирион. –

Он воспримет его без должной доброты.

– Даже если мальчишка выживет, он будет калекой. Хуже чем калекой – уродом. Я предпочитаю добрую чистую смерть.

Тирион пожал плечами, что только подчеркнуло их кризису.

– Кстати об уродцах, – напомнил он. – Позволь не согласиться. Смерть окончательна и подводит жуткий итог, в то время как жизнь полна неисчислимых возможностей.

Джейме улыбнулся:

– А ты развратный бесенок, вот что!

– Конечно, – согласился Тирион. – Надеюсь, что мальчик очнется. Я бы хотел услышать, что он тогда расскажет.

Улыбка Джейме свернулась кислым молоком.

– Тирион, мой милый братец, – заметил он мрачно, – иногда мне с трудом удается понять, на чьей ты, собственно, стороне.

Рот Тириона был полон рыбы и хлеба. Глотнув крепкого черного пива, чтобы протолкнуть съеденное в желудок, он ответил Джейме волчьей ухмылкой:

– Зачем же так! О, Джейме, мой милый братец, ты ранишь меня, прекрасно зная, как я люблю свое семейство...

Джон

Джон медленно поднимался по ступенькам, стараясь не думать о том, что, возможно, делает это в последний раз. Призрак безмолвно топал позади него. Снаружи, в воротах замка, кружил снег, во дворе стоял шум и хаос, но внутри толстых каменных стен было тепло и покойно. Слишком уж спокойно – на взгляд Джона.

Поднявшись, он испуганно замер на лестничной площадке. Призрак ткнулся носом в его ладонь, подбадривая. Джон распрямился и вошел в комнату.

Леди Старк находилась возле постели Брана. Она сидела там день и ночь уже почти две недели, ни на мгновение не оставляя Брана. Сюда ей приносили еду, горшок тоже. Спала она на твердой небольшой постели; впрочем, говорили, что она вообще не спала. Кэтлин сама кормила сына медом, поила водой и травяным отваром, поддерживавшими его, ни на миг не оставляя комнату. Поэтому Джон сюда и не приходил, но теперь выхода не было.

Он на миг задержался в двери, боясь заговорить, боясь подойти ближе. Окно было открыто. Внизу завыл волк. Призрак услышал и поднял голову.

Леди Старк оглянулась. Мгновение она как будто не узнавала его, но наконец моргнула.

– Что ты делаешь здесь? – спросила она странно бес-

страстным и тусклым голосом.

– Я пришел повидать Брана, – отвечал Джон. – Попрошаться с ним.

Лицо мачехи не переменилось. Длинные темно-рыжие волосы потускнели и спутались. Казалось, что она постарела на двадцать лет.

– Ты уже попрощался. А теперь уходи.

Часть души его мечтала только о бегстве, но Джон знал, что если поддастся слабости, то никогда впредь не увидит Брана. Он нервно шагнул в комнату и попросил:

– Пожалуйста!

Что-то холодное шевельнулось в ее глазах.

– Я велела тебе уходить. Ты нам здесь не нужен.

Некогда подобные слова заставили бы его бежать. Некогда они могли заставить его плакать. Но сейчас Джон лишь рассердился. Скоро он присягнет на верность Ночному Дозору, и тогда его ждут худшие опасности, чем общество Кэтли-Талли-Старк.

– Он мой брат, – сказал Джон.

– Мне позвать стражу?

– Зовите, – ответил Джон с возмущением. – Но вы не сможете запретить мне попрощаться с ним. – Он вошел в комнату, держась по другую сторону постели от леди Старк, и поглядел на Брана.

Она держала одну из его рук, теперь напоминавшую клешню. Это был не тот Бран, которого помнил Джон: плоть

ушла от него. Кожа обтянула кости, подобные палкам. Ноги под одеялом изгибались под таким углом, что Джону сделалось худо. Глаза брата ввалились в черные ямы, они были открыты, но ничего не видели. Падение каким-то образом иссушило Брана. Он казался засохшим листком, и первый порыв ветра мог унести его в могилу. И все же под хрупкой грудной клеткой, под переломанными ребрами вздымалась грудь, опадая с каждым мелким выдохом.

– Бран, – позвал Джон. – Прости, что я не пришел к тебе раньше. Я боялся. – Он ощущал, как слезы катятся по его щекам, но ему теперь было безразлично. – Не умирай, Бран, прошу тебя. Мы все ждем, чтобы ты очнулся. Я, Робб и девочки, все кругом...

Леди Старк неотрывно следила за ним. Она не подняла крик, и Джон принял ее молчание за согласие. Снаружи, за окном, вновь взвыл лютоволк. Тот, которому Бран так и не успел дать имени.

– Сейчас мне надо ехать, – проговорил Джон. – Дядя Бенджен ждет, я поеду на север, к Стене. Мы отправимся сегодня, пока не начались снегопады.

Как ждал Бран предстоявшее ему путешествие! Джону была невыносима сама мысль, что придется оставить брата таким. Он смахнул слезы, нагнулся и легонько поцеловал брата в губы.

– Я хотела, чтобы он остался со мной, – сказала негромко леди Старк.

Джон с опаской повернулся в ее сторону, но Кэтлин даже не глядела на него. Она говорила, словно бы не замечая его.

– Я молилась об этом, – проговорила она тусклым голосом. – Бран был моим любимцем. Я отправилась в септу и семь раз помолилась семи именам бога, чтобы Нед изменил свои намерения и оставил его со мной. Иногда молитвы доходят.

Джон не знал, что сказать.

– Но в этом не было вашей вины, – выдавил он после неловкого молчания. Глаза ее обратились к нему. Взгляд леди Кэтлин был полон яда.

– Я не нуждаюсь в твоих утешениях, бастард.

Джон потупил глаза. Она не выпускала одну из ладоней Брана. Он прикоснулся к другой и пожал пальцы, ставшие похожими на птичьи кости.

– До свидания, – проговорил Джон. Он уже был у двери, когда Кэтлин остановила его.

– Джон, – сказала она. Он ушел бы, но леди Старк никогда не обращалась к нему по имени. Он обернулся и увидел, что она смотрела на него, словно бы впервые заметив.

– Да? – проговорил он.

– На его месте должен был лежать ты, – сказала она. А потом повернулась назад к Брану и зарыдала, сотрясаясь всем телом. Никогда раньше Джон не видел ее слез.

Долог был путь вниз во двор. Снаружи царили шум и смятение. Вовсю кричали люди, грузившие фургоны, запрягав-

шие и седлавшие коней и выводившие их из конюшен. Пошел легкий снег, и все торопились.

Посреди толпы находился Робб, выкрикивавший распоряжения; брат, казалось, сразу подрос, словно бы падение Брана и несчастье матери каким-то образом прибавили ему сил. Серый Ветер был возле него.

— Дядя Бенджен разыскивает тебя, — сказал Робб. — Он хотел уехать уже час назад.

— Знаю, — отмахнулся Джон. — Уже скоро. — Он оглядел весь этот шум и смятение. — А расставаться труднее, чем я думал.

— По-моему, тоже, — проговорил Робб. Снежинки застре-вали в его волосах и таяли. — Видел его?

Джон кивнул, не имея силы ответить.

— Он не умрет, — сказал Робб. — Я знаю это.

— Вас, Старков, трудно убить, — согласился Джон голосом усталым и безжизненным. Визит этот отнял у него все силы.

Робб понял, что случилось нечто нехорошее.

— Моя мать... — начал он.

— Она была... очень добра со мной, — перебил его Джон.

Робб улыбнулся с облегчением:

— Хорошо. В следующий раз мы встретимся, когда ты будешь уже в черном.

Джон заставил себя ответить улыбкой:

— Он всегда был мне к лицу. А как ты думаешь, много ли времени пройдет до присяги?

– Не очень, – предположил Робб. Он прижал к себе Джона и крепко обнял его. – Ну а теперь – прощай!

Джон ответил объятием:

– И ты тоже, Старк. Заботься о Бране.

– Можешь не сомневаться! – Они отодвинулись и с неловкостью поглядели друг на друга. – Дядя Бенджен велел, как только я увижу тебя, передать, чтобы ты шел в конюшню, – наконец сказал Робб.

– Мне нужно попрощаться еще с одним человеком, – сообщил ему Джон.

– Тогда я тебя не видел, – ответил Робб.

Джон оставил брата стоящим в снегу, окруженным фургонами, волками и лошадьми. До арсенала было недалеко. Джон прихватил свой сверток и по крытому мостику направился в замок.

Арья находилась в своей комнате, она укладывала вещи в полированный сундук из железного дерева, такой большой, что она сама поместилась бы в нем. Нимерия помогала. Арье нужно было только показать, и волчица бросалась через всю комнату, брала зубами нужное шелковое одеяние и приносила его. Но уловив запах Призрака, она присела на задние лапы и тявкнула на вошедших.

Арья обернулась, заметила Джона и вскочила на ноги. Она обняла его за шею своими тонкими руками.

– Я боялась, что ты уже уехал, – сказала она, дыхание ее перехватывало. – Меня не выпускают, чтобы попрощаться.

– Что ты опять натворила? – Джон развеселился.

Арья отодвинулась от него и скривилась.

– Ничего. Я уже всё собрала. – Она кивнула на огромный сундук, наполненный не более чем наполовину, и вещи, разбросанные по комнате. – Но септа Мордейн сказала, что я сделала всё не так и вещи мои сложены неправильно. Она считает, что настоящая южная леди не бросает свои вещи в сундук, словно тряпки.

– Значит, ты так и поступила, сестренка?

– Но они же все равно перепутаются, – сказала Арья. – Кого волнует, как они сложены?

– Септу Мордейн, – сказал Джон. – И едва ли ей понравится, что Нимерия помогает тебе. – Волчица безмолвно поглядела на него темно-золотыми глазами. – Но ничего. У меня есть кое-что для тебя. Ты возьмешь это с собой и спрячешь подальше.

Лицо Арьи осветилось.

– Это подарок?

– Можешь называть и так. Закрой дверь.

С опаской взволнованная Арья выглянула в коридор.

– Нимерия, сюда! Охраняй. – Она посадила волчицу снаружи, чтобы та помешала нежеланному вторжению, и закрыла дверь. К этому времени Джон уже развернул все тряпки, которыми обмотал свой подарок.

– Вот.

Глаза Арьи расширились... Темные глаза, подобные его собственным.

– Меч, – сказала она негромко.

Ножны из мягкой серой кожи зашуршали вкрадчиво, словно грех. Джон медленно извлек клинок, так чтобы сестра увидела глубокую синеву стали.

– Это не игрушка, – сказал он. – Будь осторожна и не порежься. Лезвием можно даже бриться.

– Девочки не бреются, – заметила Арья.

– Может и зря. Ты когда-нибудь видела ноги септы?

Арья хихикнула.

– Он такой тонкий.

– Ты тоже, – сказал Джон. – Я велел Миккену сделать это для тебя. В Пентосе и Мире и в других Вольных городах такими пользуются брави. Голову им не срубить, но дырок можно наделать изрядное количество – если поторопишься.

– Я умею двигаться быстро, – сказала Арья.

– Тебе придется тренироваться с мечом каждый день. – Джон вложил оружие в ее руки, показал, как держать, и отступил. – Ну, как ты себя чувствуешь? Он тебе по руке?

– По-моему, да, – отвечала Арья.

– Вот первый урок, – сказал Джон, – Коли острым концом.

Арья шлепнула его плоской стороной меча по руке. Удар оказался болезненным, но Джон обнаружил, что ухмыляется как идиот.

– Я знаю, с какого конца им пользуются, – сказала Арья, но тут же сомнение пробежало по ее лицу. – Септа Мордейн отберет его у меня.

– Нет – если не будет знать о нем.

– А с кем мне практиковаться?

– Найдешь кого-нибудь, – пожал плечами Джон. – Королевская Гавань – настоящий город. Он в тысячу раз больше Винтерфелла. Ну а пока не найдешь партнера, наблюдай за тем, как фехтуют при дворе. Бегай, катайся верхом, укрепляй силы. И что бы ты ни делала...

Арья знала, что сейчас последует, и они договорили вместе:

– ...не... говори... Сансе!

Джон потрепал ее по волосам.

– Мне будет не хватать тебя, сестренка.

Внезапно ему показалось, что она сейчас заплачет.

– Жаль, что ты не едешь с нами.

– В один и тот же замок нередко ведет множество дорог. Кто знает? – Джон чувствовал себя теперь увереннее. Он не хотел допускать печаль в свое сердце. – Ну а теперь мне пора. Если я заставлю дядю Бена ждать, весь первый год на Стене мне суждено выносить ночные горшки.

Арья побежала к нему для последнего объятия.

– Сперва положи меч, – предостерег ее со смехом Джон.

Застенчивым движением отставив оружие, она покрыла лицо брата поцелуями.

Джон повернулся назад к двери, Арья взяла меч, взвешивая его в руке.

– Чуть не забыл, – сказал Джон. – У всех хороших мечей есть имена.

– Например, Лед. – Она поглядела на клинок в своих руках. – Неужели у него уже есть имя? Ну говори же.

– Разве ты не догадываешься? – поддразнил Джон. – Назови свою самую любимую вещь.

Арья сперва удивилась, а потом поняла. И они хором произнесли:

– *Игла!*

Воспоминание это долго потом согревало его в дороге на север.

Дэйнерис

Свадьбу Дэйнерис Таргариен с кхалом Дрого, страшную и варварски великолепную, сыграли на поле возле стен Пентоса, потому что дотракийцы верили, что все важные события в мире и в жизни человека должны совершаться под открытым небом.

Дрого созвал свой кхаласар, и они пришли, сорок тысяч воинов-дотракийцев, вместе с несчетным количеством женщин, детей и рабов. Они остановились вместе со своими стадами у городских стен, воздвигли жилища из спряденной травы и съели все, что можно было найти вблизи. Добрый народ Пентоса с каждым днем проявлял все большее беспокойство.

– Мои друзья-магистры удвоили численность городской стражи, – говорил Иллирио, сидя ночью за блюдом с уткой в меду и оранжевым хрустящим перцем во дворце, что принадлежал Дрого. Кхал отправился к своему кхаласару, предоставив дом в распоряжение Дэйнерис и ее брата до дня свадьбы.

– Лучше бы нам выдать принцессу Дэйнерис замуж скорее, пока они не отдали половину всего добра Пентоса наемникам и головорезам, – пошутил сир Джорах Мормонт. Изгнанник предложил ее брату свой меч в ту самую ночь, когда Дэни продали кхалу Дрого, и Визерис охотно принял его.

С той поры Мормонт сделался их постоянным спутником.

Магистр Иллирио беспечно расхохотался сквозь раздвоенную бороду, но Визерис даже не улыбнулся.

– Он может получить ее хоть завтра, если захочет, – сказал брат, поглядев на Дэни. Она опустила глаза. – Пусть только выплатит цену.

Иллирио вяло махнул рукой в воздухе, кольца блеснули на толстых пальцах.

– Я сказал вам, что все улажено. Доверьтесь мне. Кхал обещал вам корону, и вы ее получите.

– Да, но когда?

– Когда кхал решит, – ответил Иллирио. – Сначала он получит девицу, а после того, как они вступят в брак, ему нужно будет совершить шествие через равнины и представить ее Дош Кхалину в Ваэс Дотрак. После этого, быть может, все и решится. Если предзнаменования будут благоприятными для войны.

Визерис кипел нетерпением:

– Клал я на дотракийские предзнаменования! Узурпатор сидит на троне моего отца. Долго ли мне ждать?

Иллирио пожал жирными плечами:

– Вы ждали всю свою жизнь, великий король. Что для вас еще несколько месяцев или даже несколько лет?

Сир Джорах, который в своих странствиях заходил так далеко на восток, что бывал даже в Ваэс Дотрак, согласно кивнул:

– Я советую вам проявить терпение, ваша светлость. До-тракийцы верны своему слову, но поступки они совершают, когда настает их время. Тот, кто ниже кхала, может просить о милости, но не вправе корить его.

Визерис ошетинился:

– Последите за своим языком, Мормонт, или я вырву его. Я не ниже кхала; я – законный владыка Семи Королевств. Дракон не просит!

Сир Джорах с почтением потупил взгляд. Иллирио, загадочно улыбаясь, отодрал крылышко от утки. Мед и жир стекали по его пальцам, капали на бороду, зубы впились в нежное мясо.

«Драконов больше не существует», – подумала Дэни, глядя на своего брата, хотя и не осмелилась высказать свою мысль вслух.

Но той ночью ей приснился дракон. Визерис бил ее на-гую, млевшую от страха, делая ей больно. Дэни побежала от брата, но тело сделалось непослушным. Он вновь ударил ее, она споткнулась и упала.

– Ты разбудила дракона, – вскрикнул Визерис, ударяя ее. – Разбудила дракона, разбудила дракона. – Бедра ее увлажняла кровь. Она закрыла глаза и заскулила. И словно бы отвечая ей, послышался жуткий хруст, затрещал великий огонь. Когда она поглядела снова, Визерис исчез, вокруг поднялись великие столбы пламени, а посреди него оказался дракон. Он медленно поворачивал свою огромную голову. А когда

огненная лава его глаз коснулась ее взгляда, она проснулась, сотрясаясь в холодном поту. Ей еще не случалось так пугаться...

...до дня, когда наконец свершился ее брак.

Обряд начался на рассвете, продолжался до сумерек; бесконечный день заполняли пьянство, обжорство и сражения. Посреди травяных жилищ была возведена высокая земляная насыпь, откуда Дэни наблюдала за происходящим, сидя возле кхала Дрого над бурлящим морем дотракийцев. Ей еще не приводилось видеть столько людей вокруг себя, тем более людей столь странных и страшных. Табунщики, посещая Вольные города, наряжались в самые богатые одеяния и душились благовониями, но под открытым небом они сохраняли верность старым обычаям. И мужчины, и женщины надевали на голое тело разрисованные кожаные жилеты и сплетенные из конского волоса штаны в обтяжку, которые удерживались на теле поясами из бронзовых медальонов. Воины смазывали свои длинные косы жиром, взятым из салотопных ям. Они обжирались зажаренной на меду и с перцем кониной, напивались до беспамятства перебродившим конским молоком и тонкими винами Иллирио, обменивались грубыми шутками над кострами; голоса их звучали резко и казались Дэни совсем чужими.

Облаченный в новую черную шерстяную тунику с алым драконом на груди, Визерис сидел ниже ее. Иллирио и сир Джорах находились возле брата. Им предоставили весьма по-

четное место, как раз чуть ниже кровных всадников кхала. Однако Дэни видела гнев, собирающийся в сиреневых глазах брата. Визерису не нравилось, что Дэни сидит выше, и он кипел уже оттого, что рабы предлагали каждое блюдо сначала кхалу и его невесте, а ему подавали лишь то, от чего они отказывались. Тем не менее ему приходилось скрывать свое раздражение, и оттого Визерис впадал во все более мрачное настроение, усматривая все новые и новые оскорбления собственной персоне.

Дэни никогда еще не было так одиноко, как посреди этой громадной толпы. Брат велел ей улыбаться, и она улыбалась, пока лицо ее не заболело и непрощенные слезы не подступили к глазам. Она постаралась сдержать их, понимая, насколько сердит будет Визерис, если заметит, что она плачет, и опасаясь того, как отреагирует кхал Дрого. Ей подносили еду: дымящиеся куски мяса, черные толстые сосиски, кровавые дотракийские пироги, а потом фрукты, отвары сладких трав и изысканные пентошийские лакомства, но она отмахивалась от всего. В горле ее словно встал ком, и она понимала, что не сумеет ничего проглотить.

Поговорить было не с кем, кхал Дрого обменивался распоряжениями и шутками со своими кровными, смеялся их ответам, но даже не глядел на Дэни, сидевшую возле него. У них не было общего языка. Дотракийского она не понимала, а сам кхал знал лишь несколько слов на ломаном валирийском Вольных городов, и ни одного на общем языке

Семи Королевств. Дэни была бы даже рада беседе с Иллирио и братом, однако они находились слишком далеко внизу, чтобы слышать ее.

Так сидела она в своих брачных шелках, с чашей подслащенного медом вина, не в силах поесть, безмолвно уговаривая себя. *«Я от крови дракона, – говорила она про себя. – Я Дэйнерис Бурерожденная, принцесса Драконьего Камня, от крови и семени Эйгона Завоевателя...»*

Солнце поднялось вверх по небу лишь на четверть пути, когда Дэйнерис впервые в жизни увидела смерть человека. Били барабаны, женщины плясали перед кхалом. Дрого бесстрастно следил за ними, провожая взглядом движения и время от времени бросая вниз бронзовые медальоны, за которые женщины принимались бороться. Воины тоже наблюдали. Один из них вступил в круг, схватил плясунью за руку, кинул на землю и взгромоздился на нее, как жеребец на кобылу. Иллирио предупреждал ее о том, что подобное может случиться. «Дотракийцы спариваются как животные в своих стадах. В кхаласаре нет уединения, они не знают ни греха, ни стыда в нашем понимании».

Осознав происходящее, Дэни в испуге отвернулась от совокупающейся пары, но тут шагнул в круг второй воин, за ним третий, и скоро глаза некуда было прятать. Потом двое мужчин схватили одну женщину. Она услышала крик, увидела движение, и в одно мгновение они обнажили араки: длинные и острые, как бритва, клинки, смесь меча и ко-

сы. Смертельная пляска началась, воины сходились, рубились, прыгали друг вокруг друга, махали клинками над головой, выкрикивали оскорбления при каждом ударе. Никто не сделал даже попытки вмешаться.

Схватка завершилась так же быстро, как и началась. Араххи замелькали быстрее, чем Дэни могла уследить, один из мужчин споткнулся, клинок другого описал широкую плоскую дугу. Сталь впилась в плоть как раз над поясницей дотракийца и развалила его тело от позвоночника до пупка, внутренности вывалились наружу. Когда побежденный умер, победитель схватил ближайшую женщину – даже не ту, из-за которой они поссорились, – и немедленно взял ее. Рабы унесли тело, пляска возобновилась.

Магистр Иллирио предупреждал Дэни и об этом. Свадьбы хотя бы без трех смертей кажутся дотракийцам скучными, сказал он. Ее свадьба оказалась особо благословенной: прежде чем день окончился, погибла дюжина мужчин.

Шли часы, и ужас все сильнее овладевал Дэни; наконец она едва могла сдерживать крик. Она боялась дотракийцев, чьи обычаи казались ей чудовищными и чуждыми, словно бы они были зверями в человеческом обличье. Она боялась своего брата, того, что он может сотворить, если она подведет его. Но более всего она боялась того, что случится ночью под звездным небом, когда брат отдаст ее этому великану, который сидел возле нее ипил, храня на лице жестокий покой бронзовой маски.

«Я от крови дракона», – сказала она себе снова.

Когда наконец солнце опустилось к горизонту, кхал Дрого хлопнул в ладони, и все барабаны, пир и крик вдруг остановились. Дрого встал и поднял Дэни на ноги. Наступило время свадебных подарков.

Она знала, что после подарков, когда опустится солнце, настанет время для первой езды и осуществления брака. Дэни попыталась отогнать эту мысль, но не смогла. Она обняла себя, чтобы не дрожать.

Братец Визерис подарил ей трех служанок. Дэни знала, что подарок ничего не стоил ему. Вне сомнения, девиц предоставил Иллирио. Меднокожих дотракиек с черными волосами и миндальными глазами звали Ирри и Чхики, светлокожую и синеглазую лиссенийку – Дореа.

– Это не обычные служанки, милая сестрица, – сказал брат, когда девушек поставили перед ней. – Мы с Иллирио специально выбирали их для тебя. Ирри научит тебя верховой езде, Чхики – дотракийскому языку, а Дореа наставит в женственном искусстве любви. – Он тонко улыбнулся. – Она очень хороша в нем, мы с Иллирио оба можем это подтвердить.

Сир Джорах Мормонт извинился за свой подарок.

– Это пустяк, моя принцесса, но большего бедный изгнанник не может себе позволить, – проговорил он, положив перед ней небольшую стопку старинных книг. Это были истории и песни Семи Королевств, написанные на общем языке.

Дэни поблагодарила рыцаря от всего сердца.

Магистр Иллирио пробормотал приказ, и пятеро крепких рабов вышли вперед с огромным кедровым сундуком, окоеванным бронзой. Открыв его, она обнаружила груды лучших бархатов и дамастов, которые умели делать только в Вольных городах; поверх мягкой ткани лежали три огромных яйца. Дэни охнула. Она не видела ничего прекраснее, каждое отличалось от других и переливалось невероятно богатыми красками; сначала ей даже показалось, что они украшены драгоценностями. Яйца были такими большими, что их пришлось брать обеими руками. Дэни поднимала их бережно, предполагая, что они изготовлены из тонкого фарфора, хрупкой эмали или даже дутого стекла, но они оказались гораздо тяжелее, как если бы были сделаны из цельного камня. Поверхность скорлупы была покрыта крошечными чешуйками, которые, если покрутить яйцо в руках, отливали полированным металлом в лучах заходящего солнца. Одно яйцо было темно-зеленое с бронзовыми крапинками, которые появлялись и исчезали в зависимости от того, как она его поворачивала. Другое оказалось бледно-желтым с золотыми прожилками. Последнее было черным, как полночное море, но со множеством алых завитков и волн.

– Что это такое? – спросила она негромким, полным удивления голосом.

– Драконьи яйца, привезенные из Края Теней за Ашаем, – отвечал магистр Иллирио. – Время обратило их в камень, и все же они горят красотой.

– Я буду хранить это сокровище! – Дэни слыхала рассказы о подобных яйцах, но никогда не видела ни одного и не думала, что увидит. Это был действительно роскошный дар.

Впрочем, она знала, что Иллирио может позволить себе расточительность: он получил целое состояние лошадьми и рабами за посредничество в ее продаже кхалу Дрого.

Кровные всадники кхала поднесли ей, как требовал обычай, три вида оружия, и всё оружие было превосходным. Хагго подарил ей огромный кожаный кнут с серебряной рукоятью. Кохолло – великолепный аракх, украшенный золотом, а Квото – лук с двойным изгибом из драконьей кости, выше, чем она сама. Магистр Иллирио и сир Джорах научили ее подобающему отказу от подобных приношений. «Сей дар достоин великого воина, о кровь от крови моей, а я всего лишь женщина. Пусть мой господин и муж носит это оружие вместо меня». Так и кхал Дрого получил свои брачные дары.

Дотракийцы подарили ей множество всяких вещей. Мягкие туфли и драгоценные камни, серебряные кольца для волос и пояса из медальонов, раскрашенные жилеты и мягкие меха, песочный шелк, горшочки с благовониями, иголки, перья и крошечные бутылочки пурпурного стекла, наконец, мантию, сшитую из шкурок тысячи мышей.

– Щедрый дар, кхалиси, – оценил магистр Иллирио последнюю вещь, объяснив ей, что это такое. – Сулит счастье.

Дары складывали вокруг Дэйнерис в огромные груды, их было больше, чем она могла представить себе, больше, чем ей было нужно, больше, чем она могла использовать.

Наконец, кхал Дрого преподнес ей собственный дар. Ко-

гда он оставил ее, выжидательное молчание волной прокатилось от центра стана и постепенно охватило весь кхаласар. Когда Дрого вернулся, плотная толпа подносящих дары дотракийцев расступилась, и кхал подвел к ней коня. Это была молодая кобылица, бойкая и великолепная. Дэни достаточно разбиралась в конях, чтобы понять, насколько это необыкновенная лошадь. Было в ней нечто такое, от чего захватывало дыхание. Шкура напоминала зимнее море, а грива курилась серебряным дымом. Дэни нерешительно прикоснулась к ней, погладила конскую шею, провела пальцами по серебристой гриве. Кхал Дрого сказал что-то по-дотракийски, и магистр Иллирио перевел:

- Серебро к серебру ваших волос, говорит кхал.
- Она прекрасна, – пробормотала Дэни.
- Она – гордость всего кхаласара, – сказал Иллирио. – Обычай требует, чтобы кхалиси ездила на коне, достойном ее места возле кхала.

Дрого шагнул вперед и взял ее за талию. Он поднял Дэни так легко, словно бы она была ребенком, и усадил в тонкое дотракийское седло, намного меньше тех, к которым она привыкла. Дэни застыла, растерявшись на миг: никто не предупредил ее об этом.

- Что мне делать? – спросила она Иллирио.

Ответил ей сир Джорах Мормонт:

- Берите поводья и поезжайте. Но недалеко.

Волнуясь, Дэни собрала в руках поводья и вставила но-

ги в короткие стремяна. Она была весьма посредственной наездницей; ей гораздо чаще доводилось путешествовать на кораблях, в повозках и паланкинах, нежели верхом. Помолившись о том, чтобы не упасть и не опозориться, Дэни легко, едва ли не застенчиво прикоснулась к лошади и коленями послала ее вперед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.